Мечты темнокожей девочки

Жаклин Вудсон

Мечты темнокожей девочки

Жаклин Вудсон

Loft. Национальная книжная премия США

«Мечты темнокожей девочки» - невероятные по своей силе мемуары знаковой американской поэтессы и писательницы Жаклин Вудсон.

В своей книге она расскажет о том, каково это – быть афроамериканкой и расти в Америке 1960-х и 1970-х годов. Каждая строка в этом произведении – проблеск надежды в душе ребенка, ищущего свое место в мире.

Жаклин Вудсон родилась в стране, где люди делились на черных и белых, в год, когда, по ее словам, «Юг взорвался». Она проделала огромный путь от маленькой девочки из Огайо, испытывающей трудности в обучении, до свободной женщины, нашедшей в себе смелость писать.

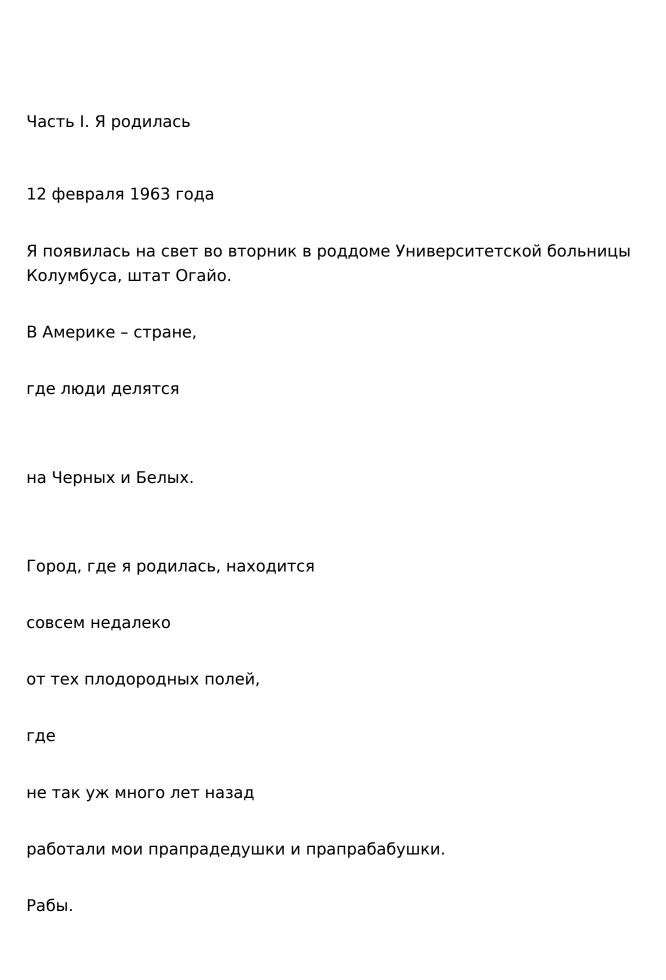
- -НАЦИОНАЛЬНАЯ КНИЖНАЯ ПРЕМИЯ США
- -ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ NEWBERY HONOR
- -ВЫБОР КНИЖНОГО КЛУБА БАРАКА ОБАМЫ

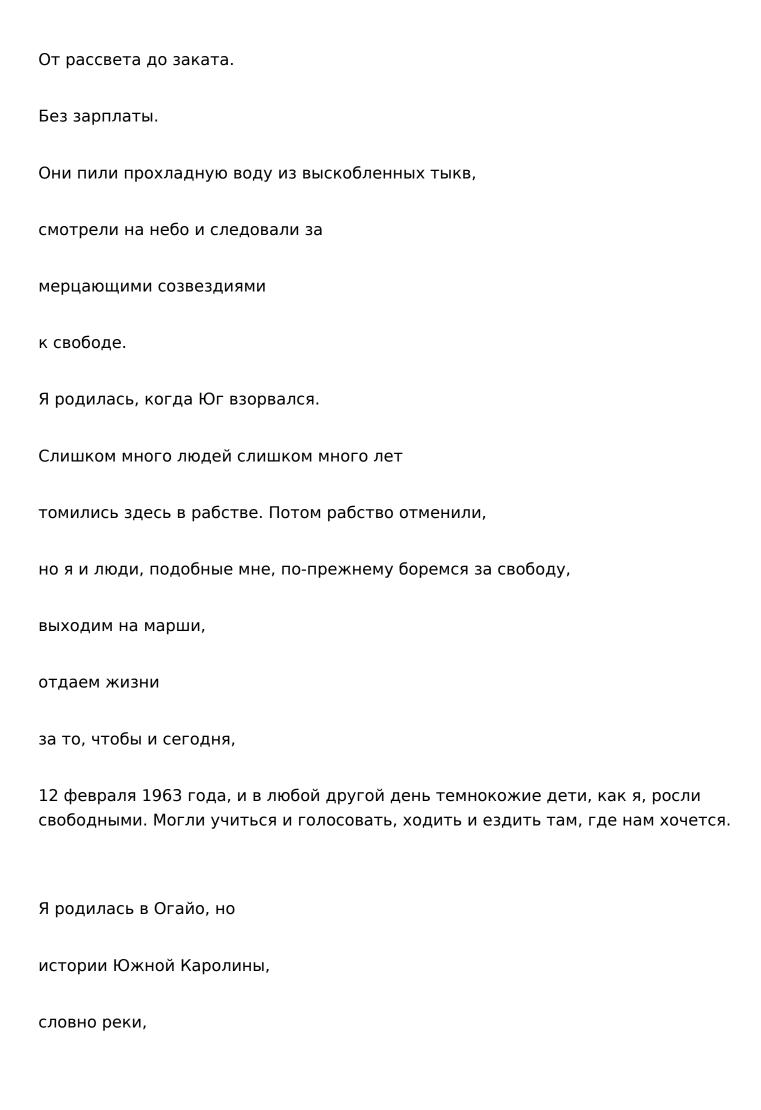
Жаклин Вудсон

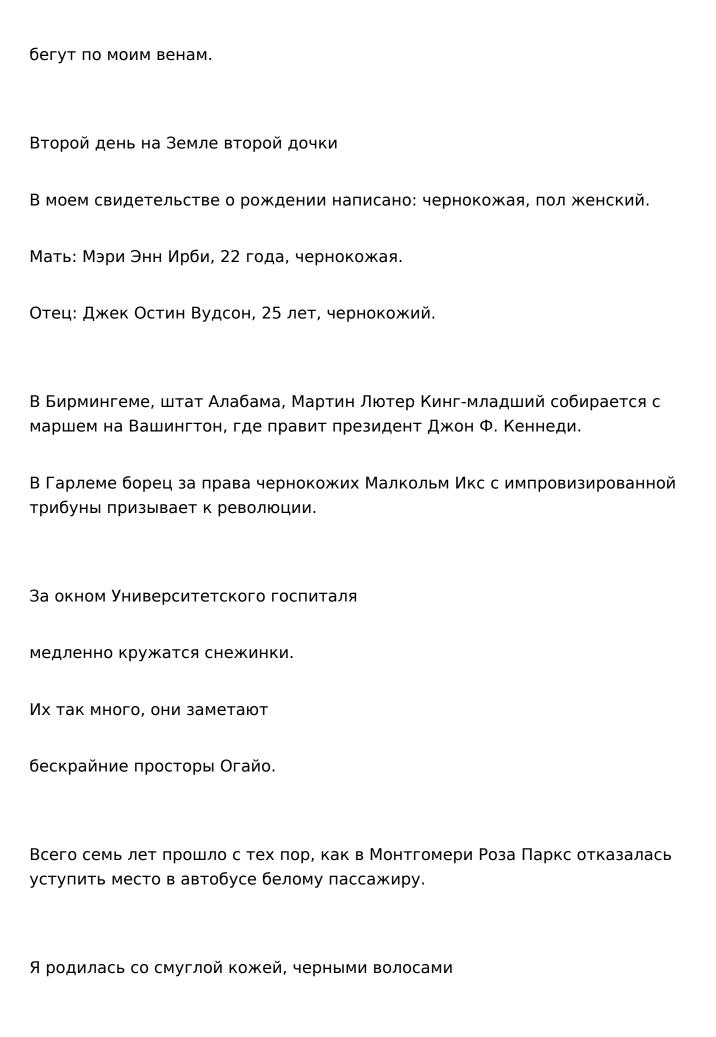
Мечты темнокожей девочки

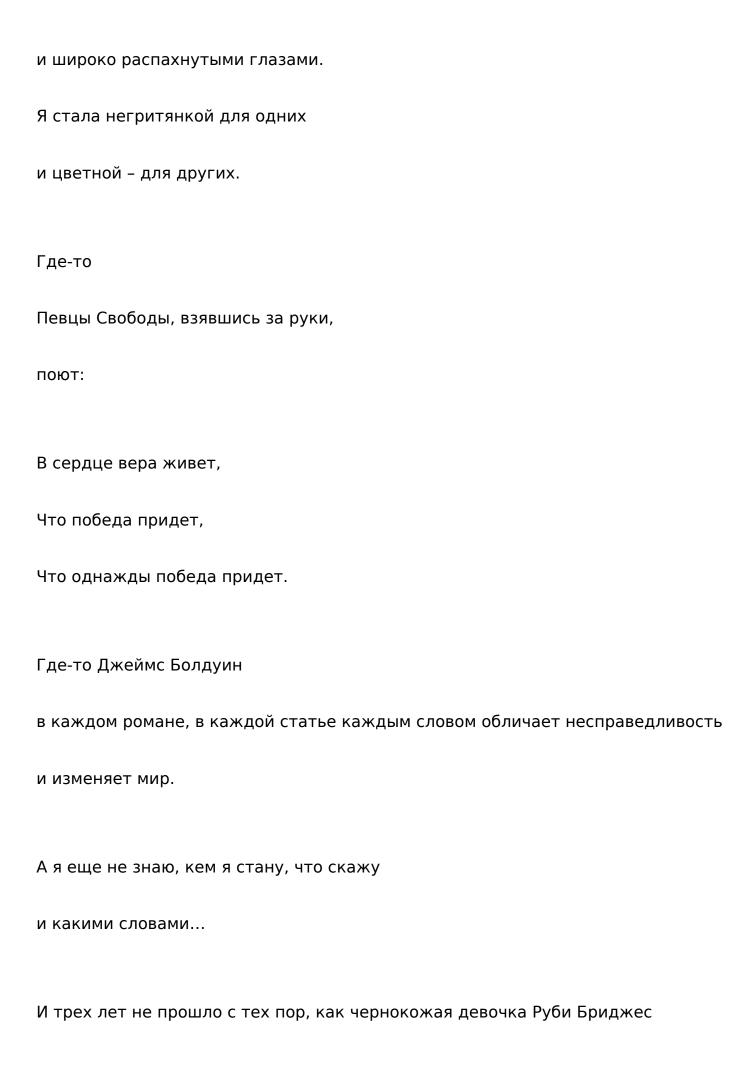
Jacqueline Woodson
Brown Girl Dreaming
© 2014 by Jacqueline Woodson
© PaytonVanGorp / Shutterstock.com
© И. Ермолина., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

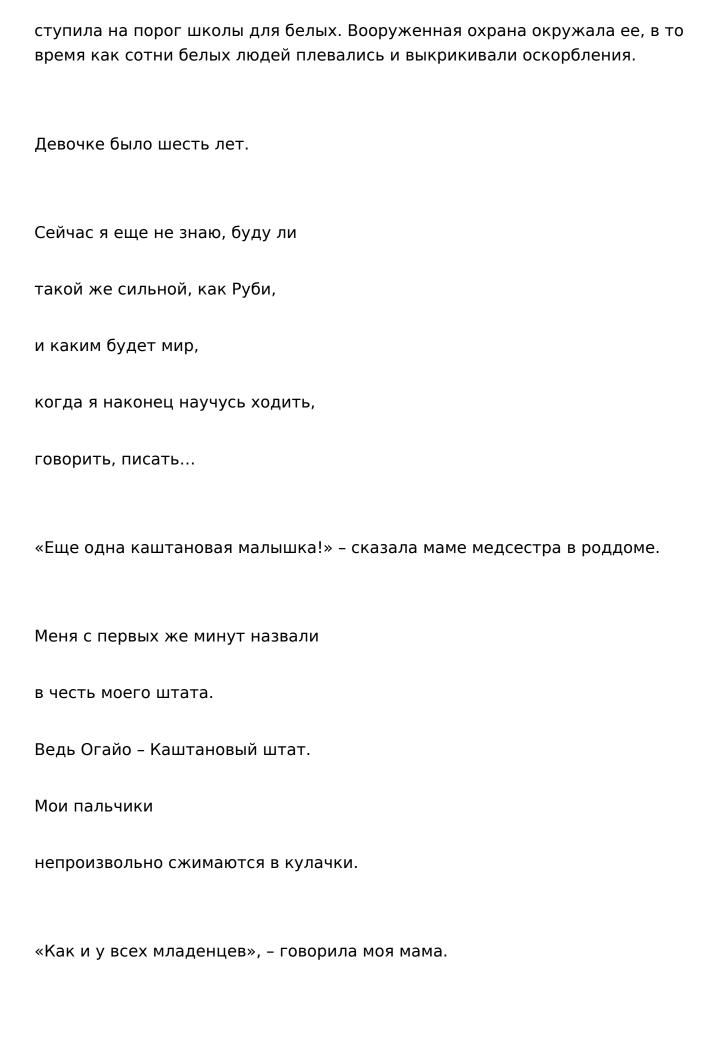
Эту книгу я посвящаю своим родным: ушедшим, ныне живущим и еще не родившимся.
С любовью
Жизнь без мечты —
Как без полета птица,
Сломавшая крыло.
Жизнь без мечты —
Унылая равнина,
Что снегом
занесло.
Лэнгстон Хьюз

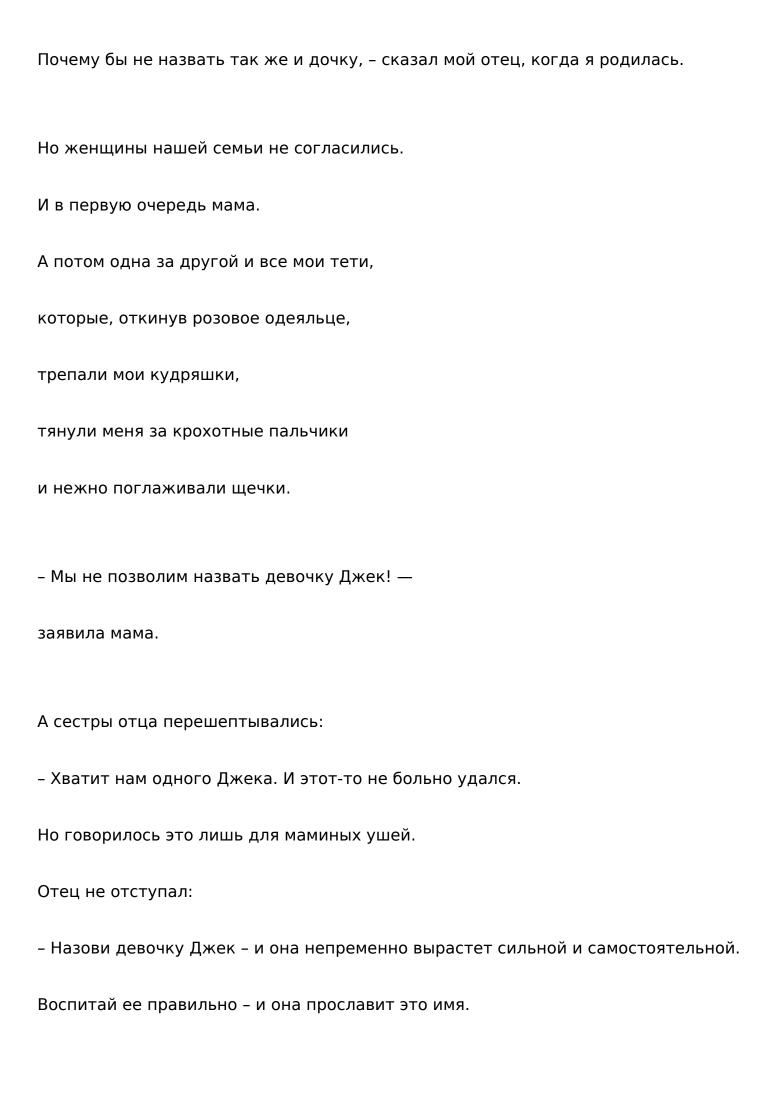

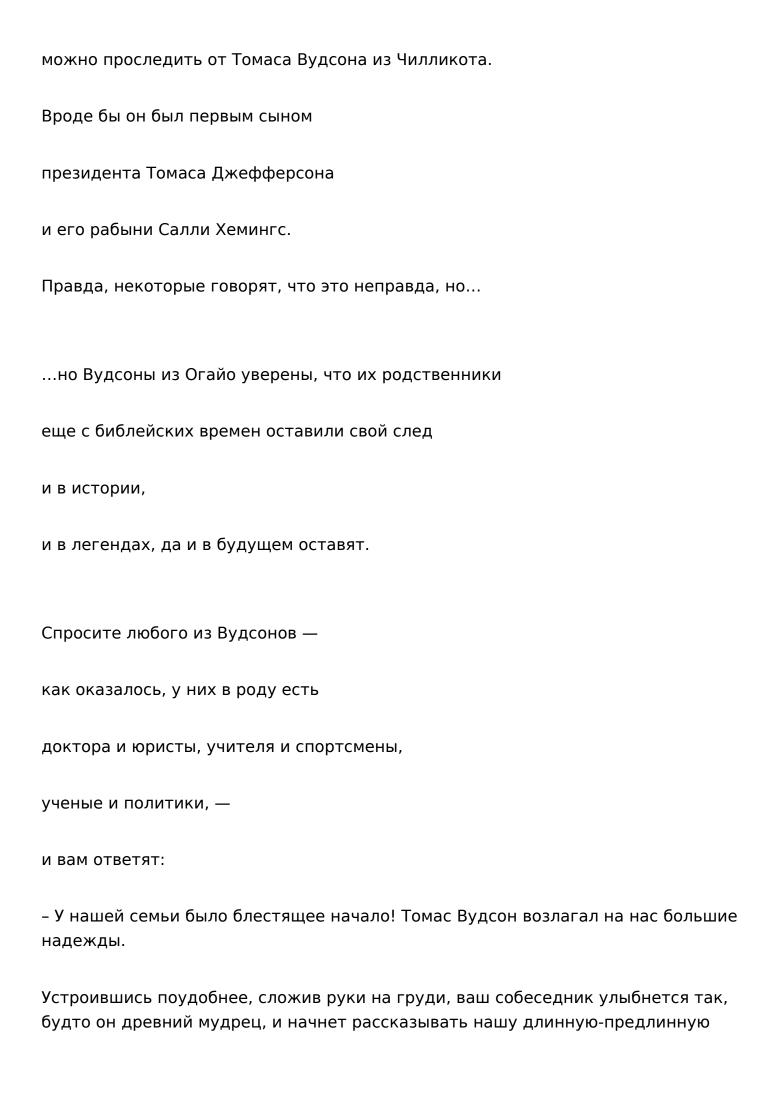

Неизвестно, какими станут эти маленькие ручки. Может, они будут как у Малкольма - поднятые и сжатые в яростный кулак, или как у Мартина - протянутые людям навстречу и вопрошающие, или как у Джеймса - быстро записывающие слова на бумаге. Может, как у Розы или у Руби, в аккуратных перчатках, то яростно сжатые, то спокойно лежащие на коленях или на столе, перелистывающие книгу, готовые изменить мир к лучшему... Девочка по имени Джек - У меня прекрасное имя.

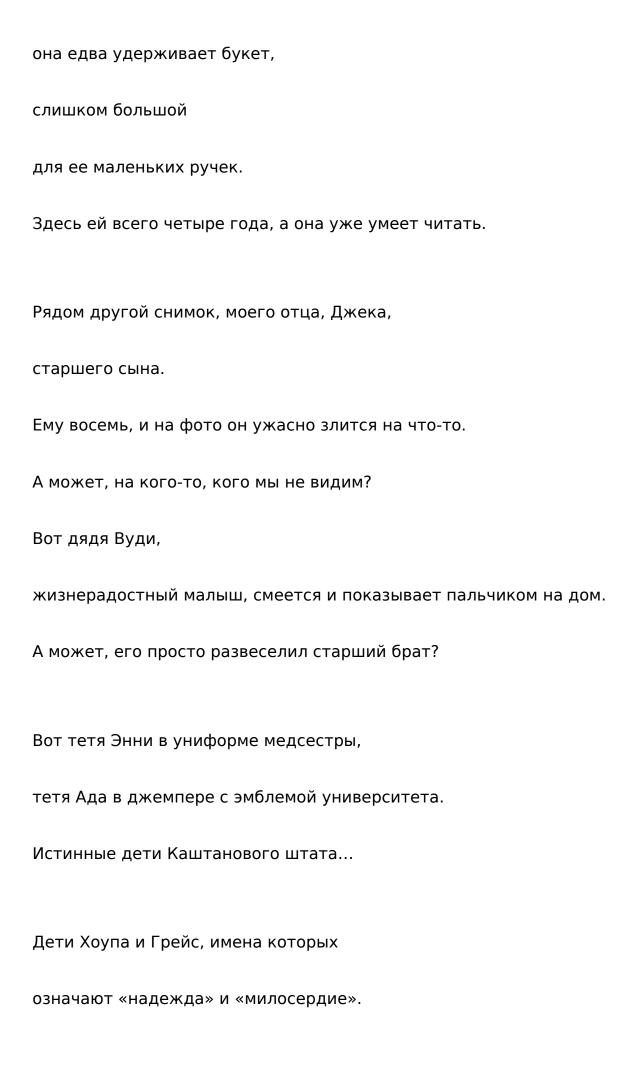

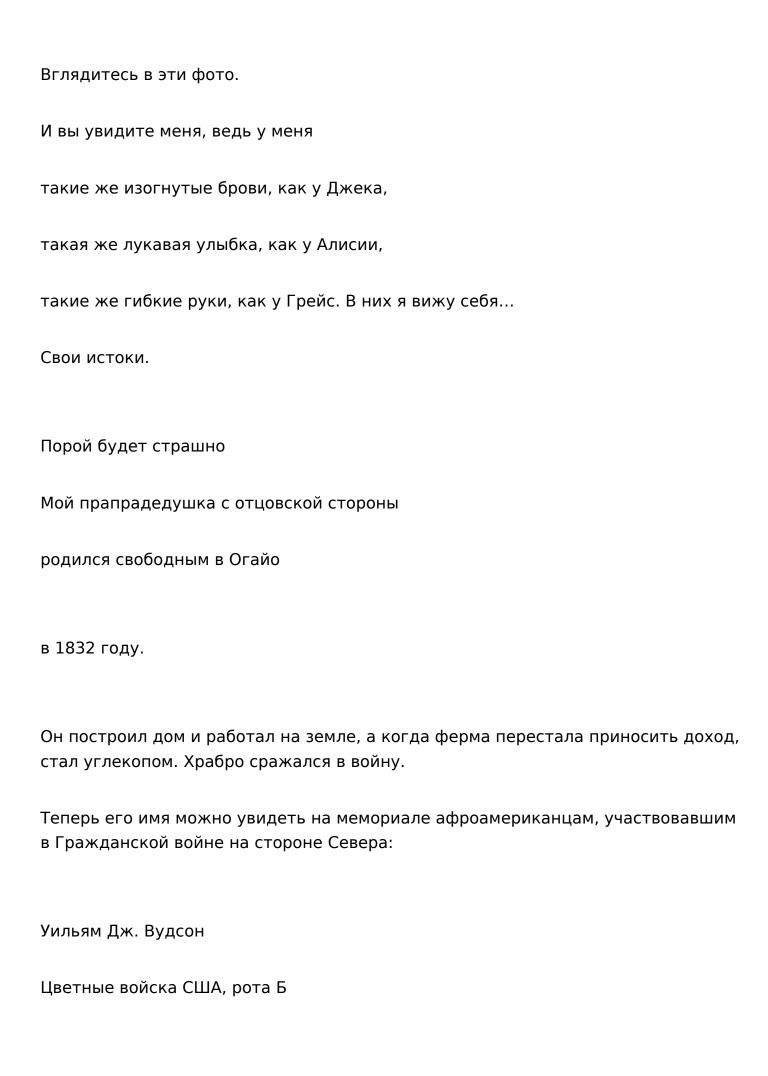
- Девочке по имени Джек
обеспечена двойная порция внимания, – убеждал отец.
– Ну разумеется, станут спрашивать, не сумасшедшие ли у нее родители, – хмыкнула мама.
Это продолжалось до тех пор, пока меня не назвали Джеки и отец в ярости не покинул больницу.
Когда нужно было вписать мое имя,
мама попросила у тетушек ручку и написала:
«Жаклин».
«Жаклин». Жаклин – на тот случай, если кому-нибудь вздумается выбросить «и» на конце имени «Джеки».
Жаклин – на тот случай, если кому-нибудь вздумается выбросить «и» на конце
Жаклин – на тот случай, если кому-нибудь вздумается выбросить «и» на конце имени «Джеки».
Жаклин – на тот случай, если кому-нибудь вздумается выбросить «и» на конце имени «Джеки». Нет, только Жаклин. Ведь я вырасту, и, возможно,
Жаклин – на тот случай, если кому-нибудь вздумается выбросить «и» на конце имени «Джеки». Нет, только Жаклин. Ведь я вырасту, и, возможно, мне захочется имя подлиннее.

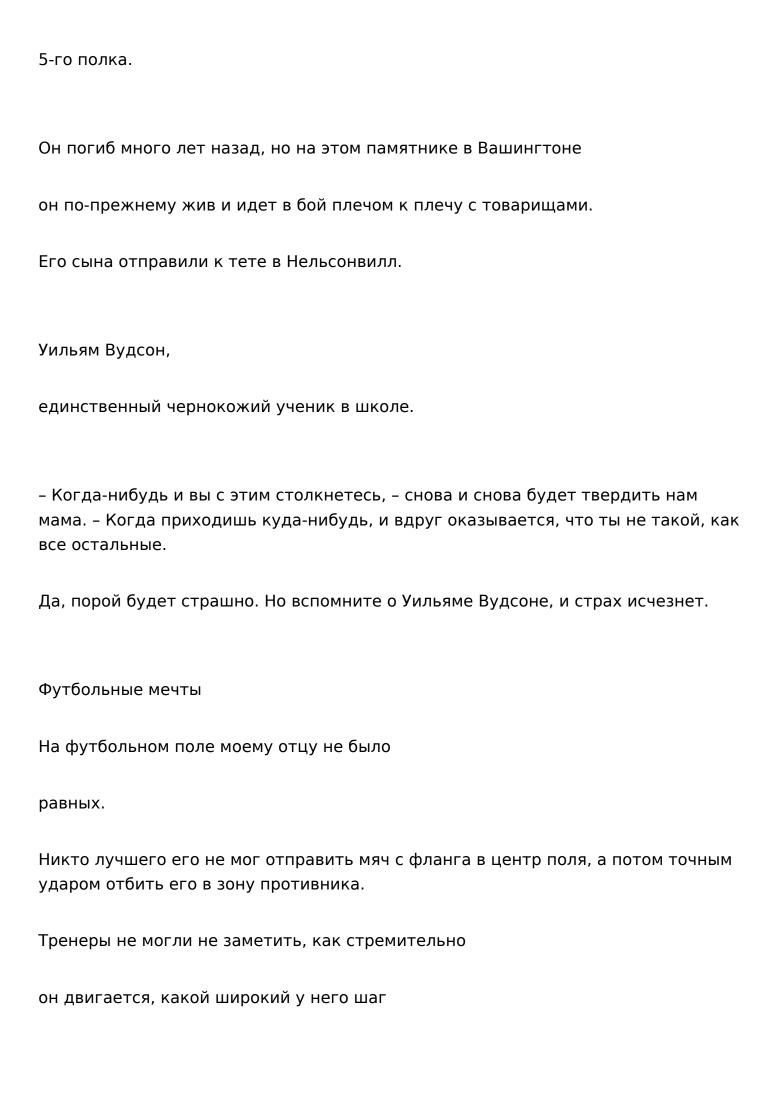

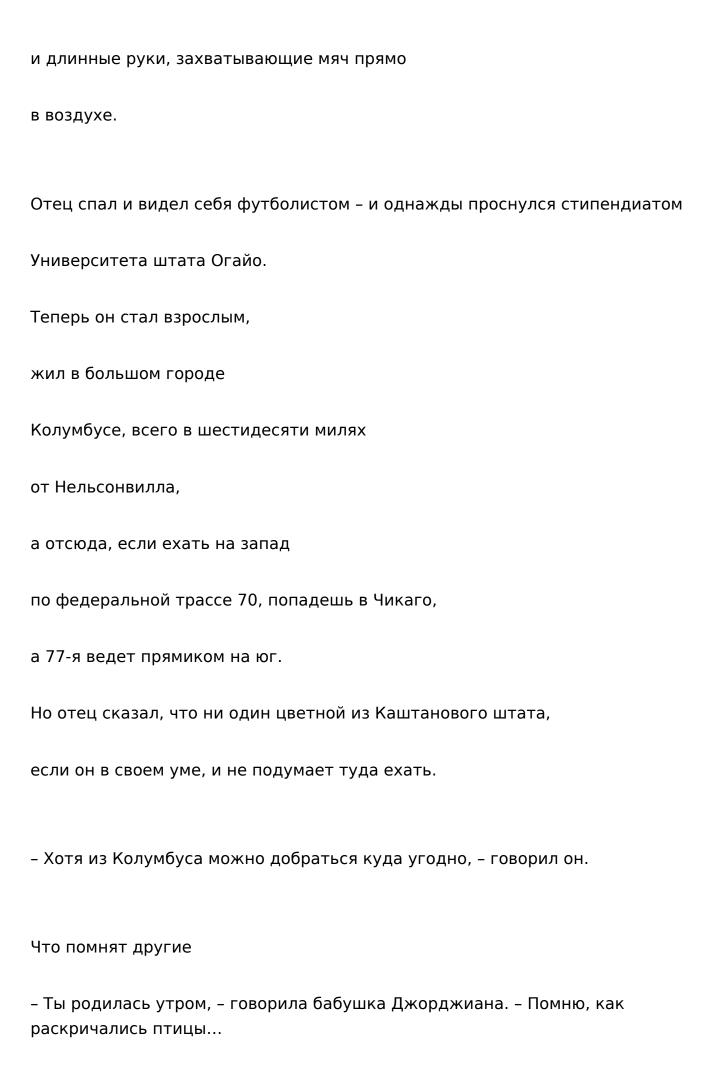
историю:
– Итак, все началось задолго до Томаса Джефферсона Вудсона из Чилликота.
Призраки Нельсонвилла
В этом городе живут несколько негритянских
семей,
и Вудсоны – одна из них,
их большой белый дом
стоит на высоком холме.
Сквозь высокие окна
видна кухня,
залитая бледным нельсонвиллским солнцем.
В Огайо долгие зимы,
и с наступлением холодов
в гостиной зажигают камин.
Снова весна, и теперь
золотые солнечные зайчики весело скачут по сосновому полу.

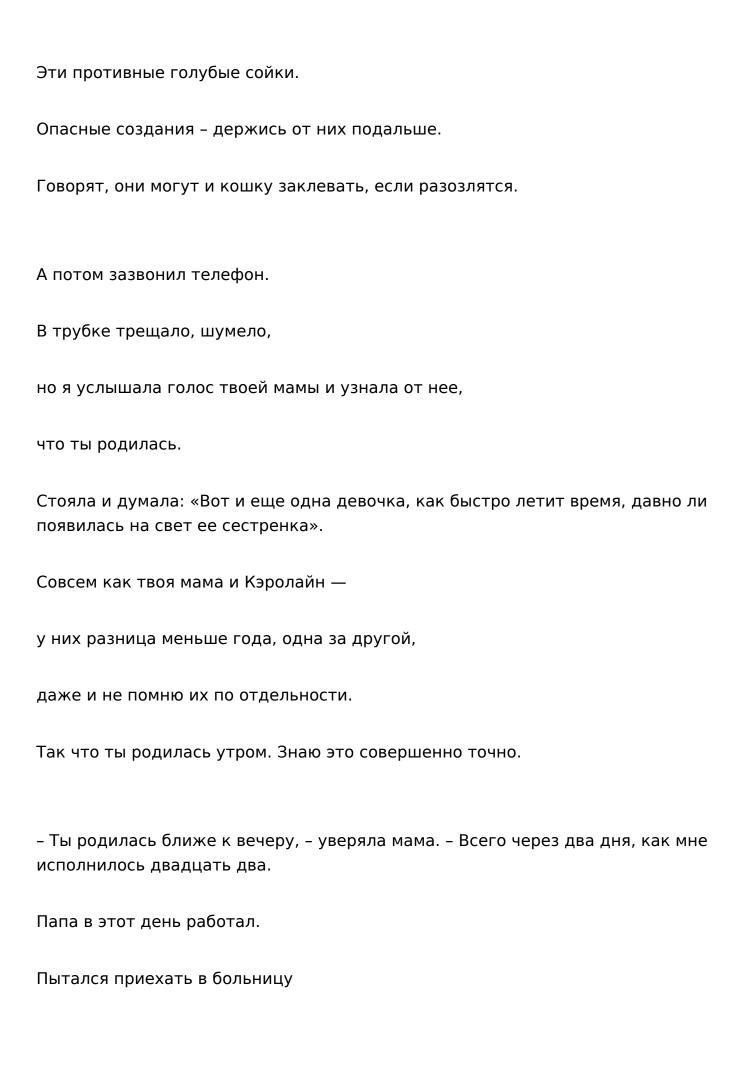
Когда-то в доме было много детей, они носились по лестнице вверх и вниз, прятались под кроватями и в сундуках, пробирались на кухню, чтобы стащить кусочек торта из холодильника или холодного жареного цыпленка, а то и ухватить толстый ломоть медового окорока, приготовленного мамой... Здесь прошло детство моего отца, эти стены знали его малюткой в колыбели, видели, как он рос... Как давно это было. На снимках дедушка всегда выше всех, а бабушка лишь на дюйм ниже. Повсюду на стенах фотографии их детей. Они бегают по полям, плещутся в бассейнах, танцуют на школьных вечеринках. Сейчас все они выросли и разъехались но подождите! Посмотрите повнимательнее. Вот тетя Алисия, совсем крошка, по плечам рассыпаны кудряшки,

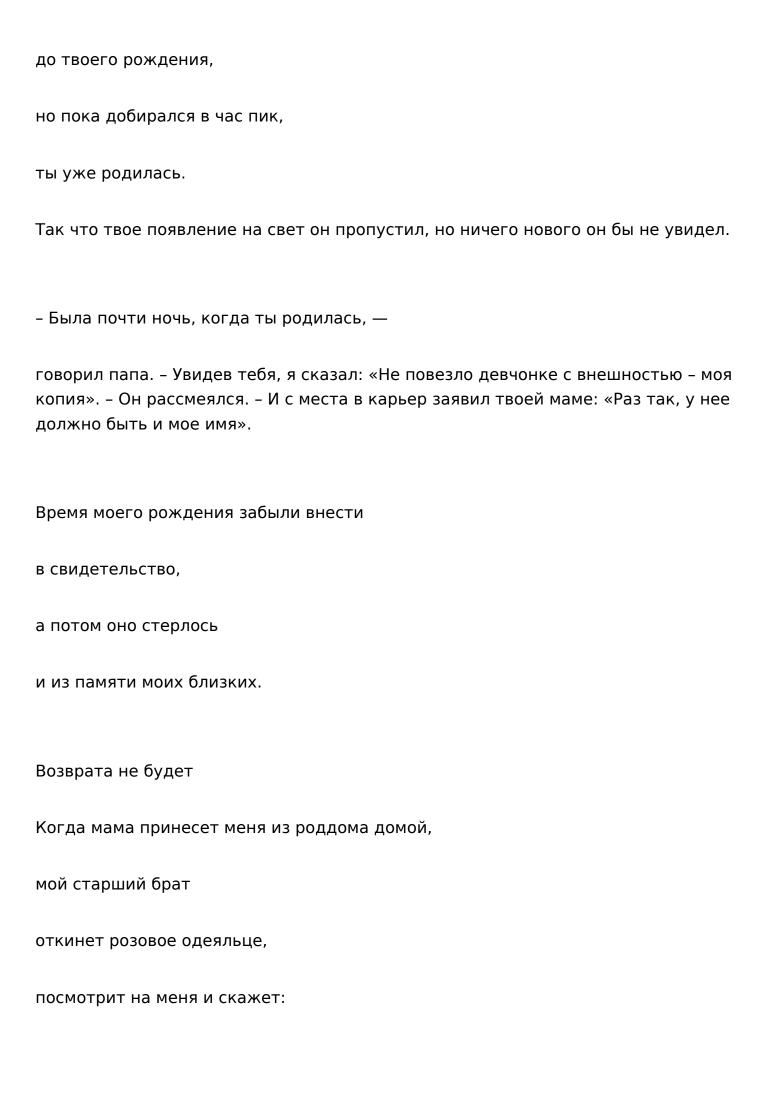

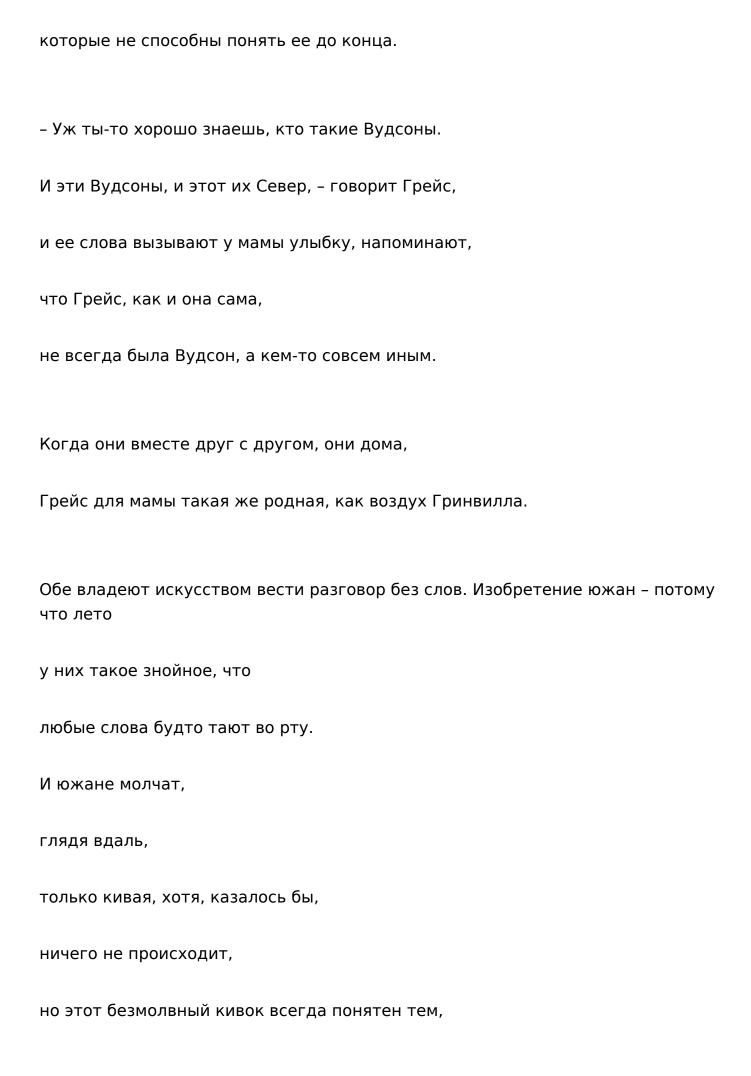

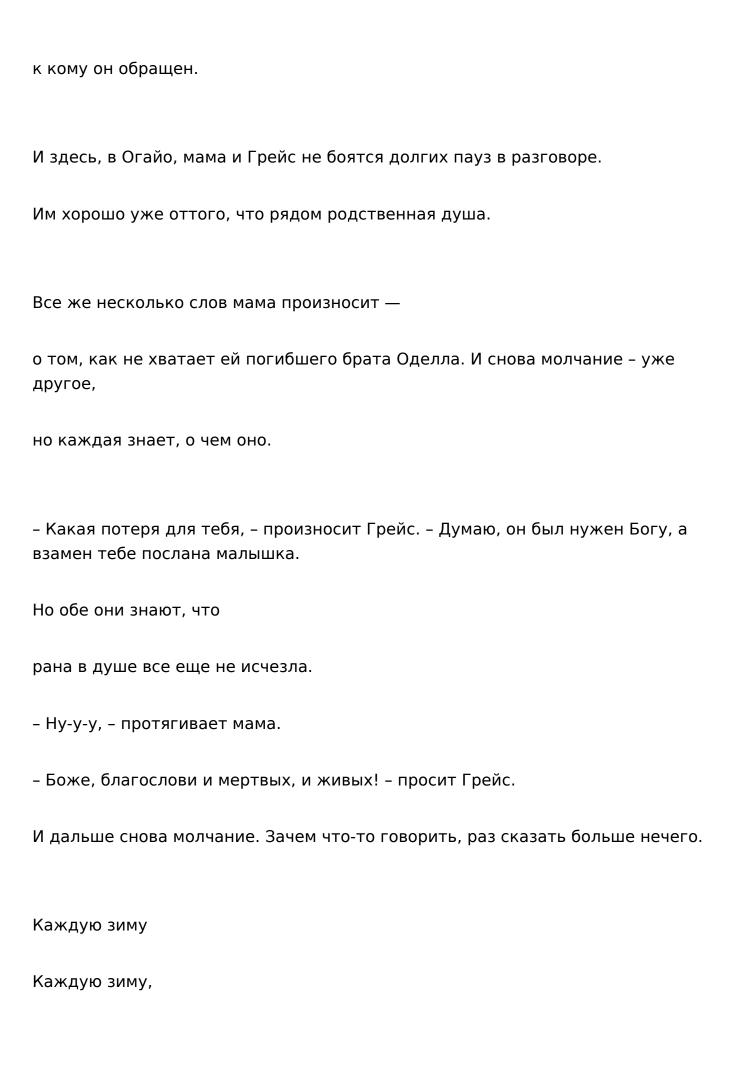
- У нас уже есть такая. Зачем нам две одинаковые? Верни ее назад. Ему уже три года, но он все еще не в силах понять, почему такую маленькую и совсем новенькую куклу нельзя сдать обратно. Как слушать № 1 Где-то в моей голове каждый смех, плач или колыбельная становятся воспоминанием. Дядя Оделл За полгода до рождения моей сестры дядя Оделл, военный моряк, приезжает в отпуск домой в Южную Каролину и попадает под машину. Когда в Нельсонвилле раздался телефонный звонок, может быть, мама развешивала белье или сидела на кухне, приглушая в сердечной беседе со свекровью Грейс тоску по собственной матери и отчему дому. Может, родители уже собрали вещи и собирались уезжать в Колумбус отец называл его Большим Городом домой, ведь их дом был теперь там. Но каждую субботу утром они садились в машину и целый час ехали в Нельсонвилл,

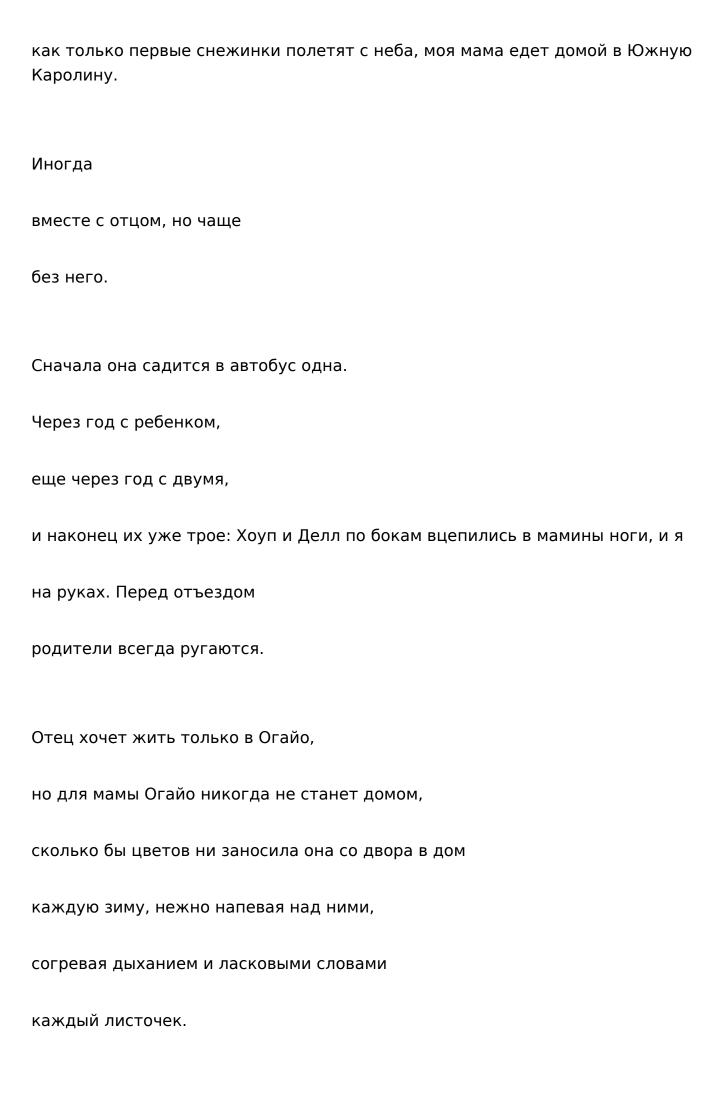
где оставались до вечера воскресенья.

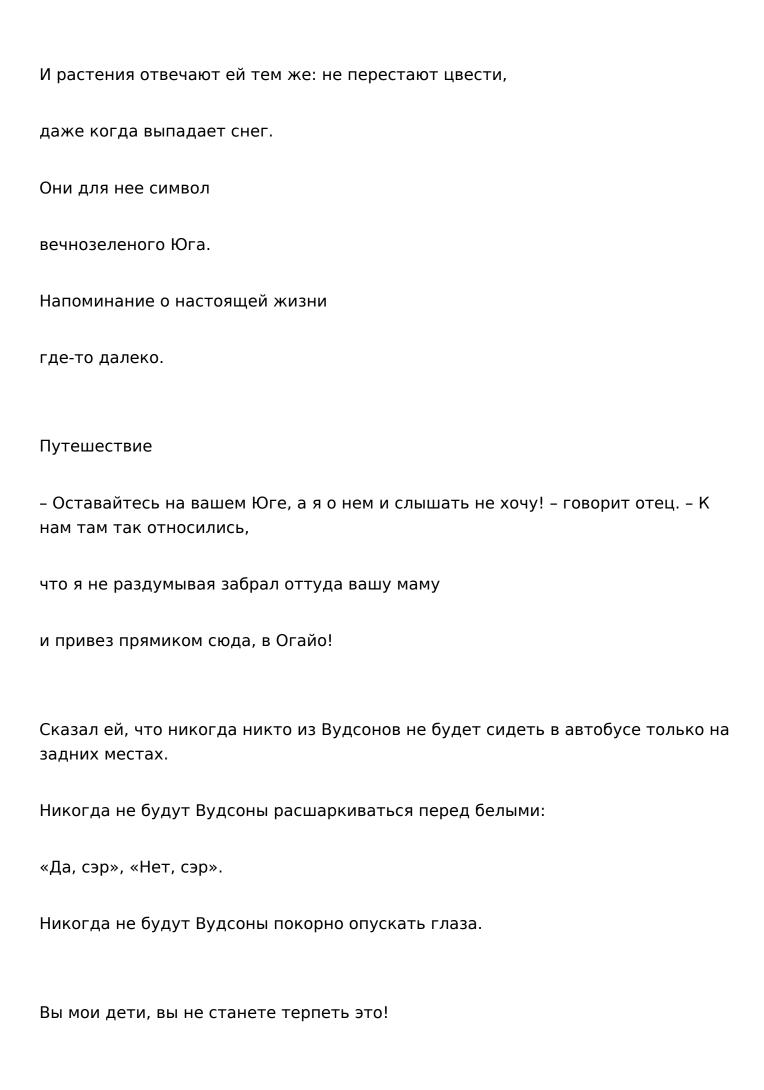
И, наверное, до этого звонка им казалось, что завтра снова начнется череда ничем не примечательных будней. Но уже летела из Южной Каролины весть о смерти моего дяди, пришедшая в Огайо холодным мартовским утром, и этот пасмурный день навсегда оставил глубокую рану в душе моей матери. - Твой брат... - только и смогла произнести бабушка, а дальше мама слышала лишь ее рыдания. Воздух наполнился болью, заныло сердце, которое было спокойно еще мгновение назад, и появилась пустота в душе, будто оттуда вырвали огромный кусок. Хорошие новости Еще несколько месяцев промозглая зима в Каштановом штате не вступит в свои права, и в сентябре, в один из последних солнечных деньков, появится на свет

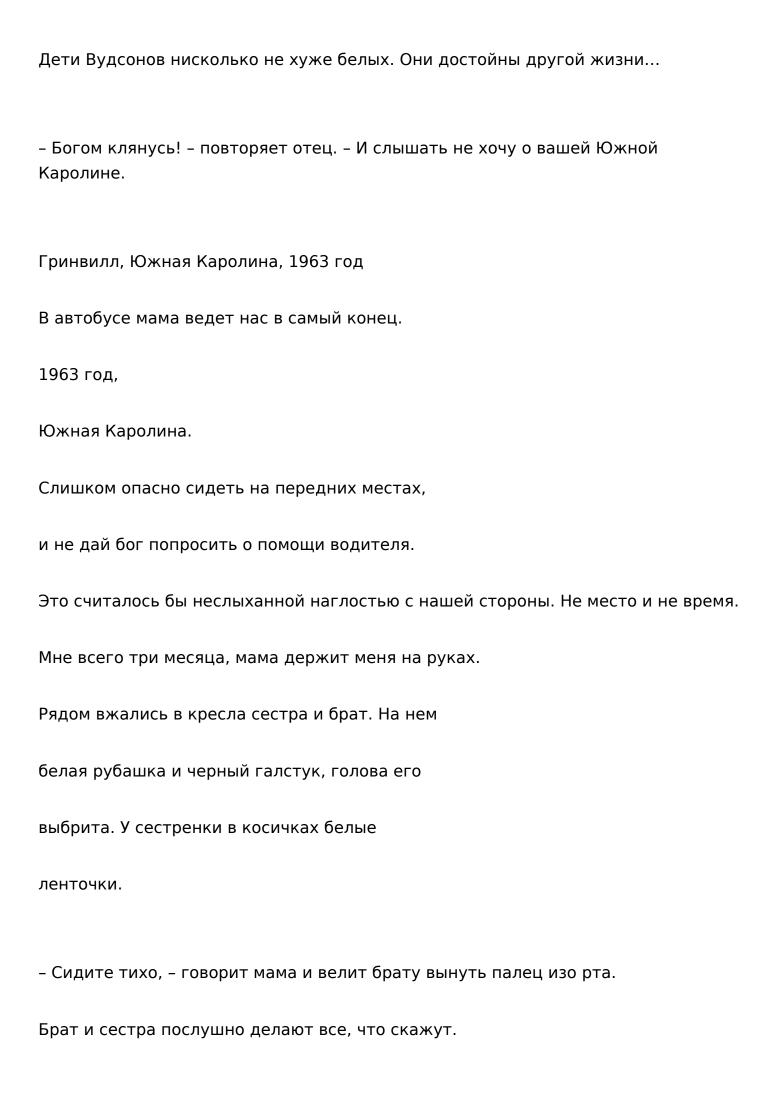
моя старшая сестра Оделла Кэролайн ее назвали так в честь дяди Оделла и тети Кэролайн. В Южной Каролине звонит телефон. Пока мамина мама идет к нему, она на мгновение закрывает глаза и, открыв, окидывает взглядом двор. Подходит к телефону и смотрит, как сквозь пышные кроны высоких сосен падают на землю лучи солнца, заливая все вокруг ласковым сентябрьским светом... Она берет телефонную трубку и молится про себя: «Только бы новости были хорошими, только бы сладкая осенняя прохлада наконец подарила ей надежду». Мама и Грейс Мою маму и Грейс, мать моего отца, объединяет их родина - Юг. Ведь семья Грейс тоже из Гринвилла. Поэтому моя мама всегда будет для нее родная по-другому, не так, как собственные дети,

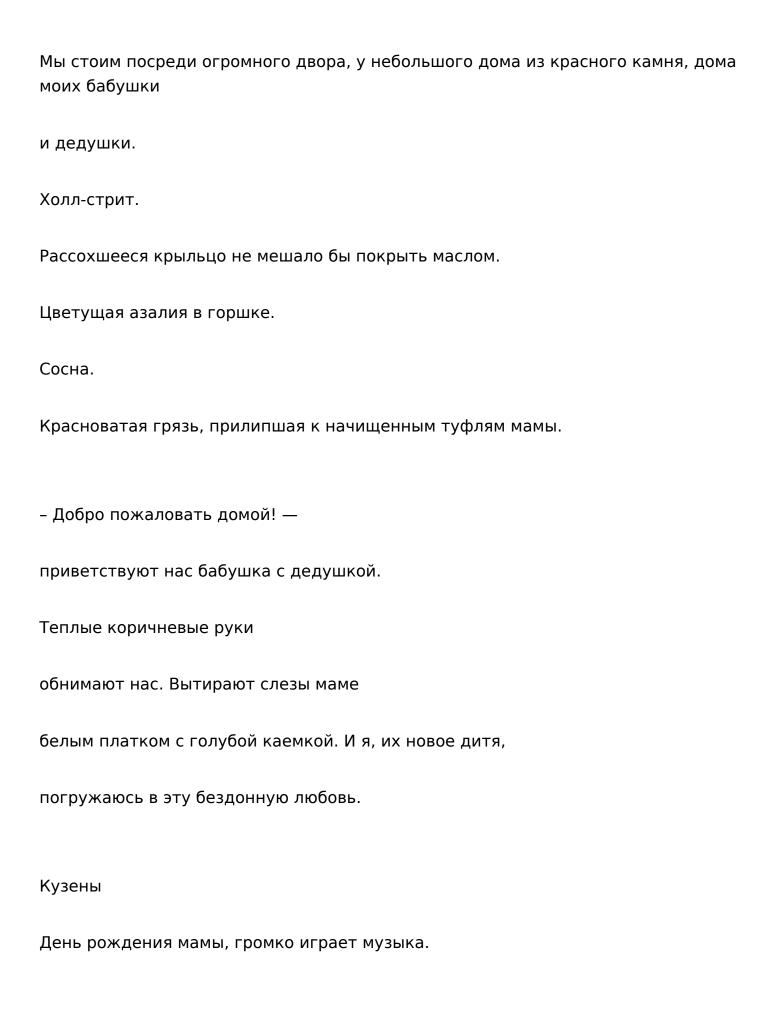

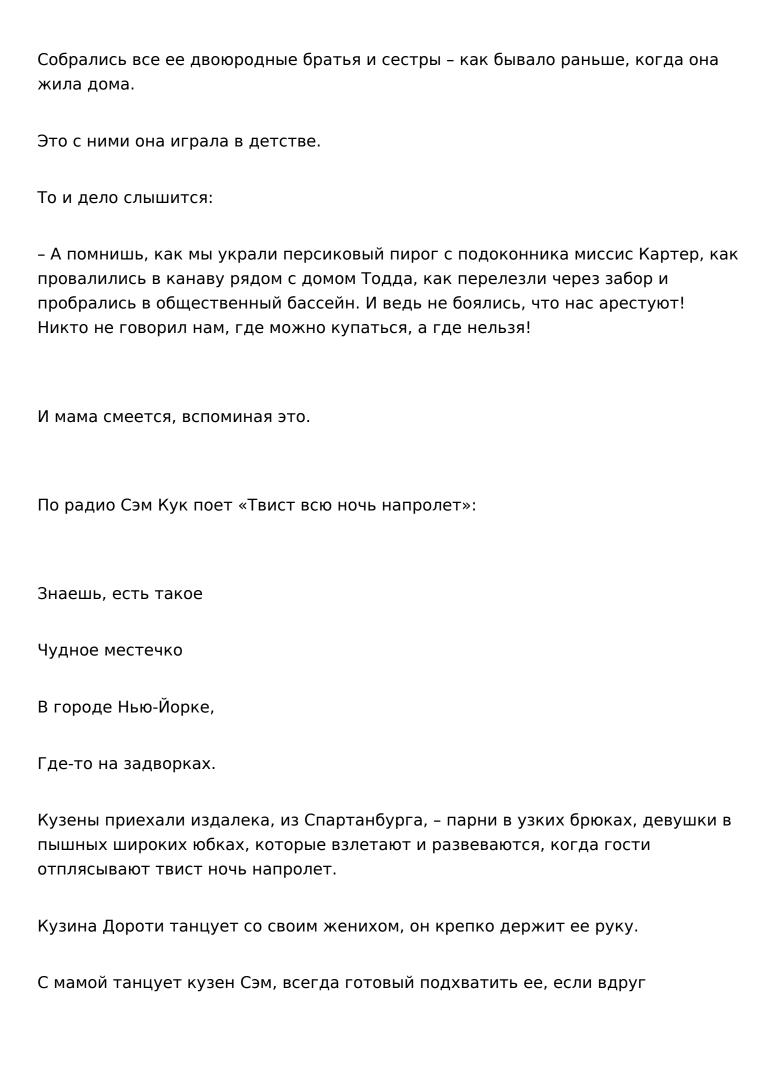

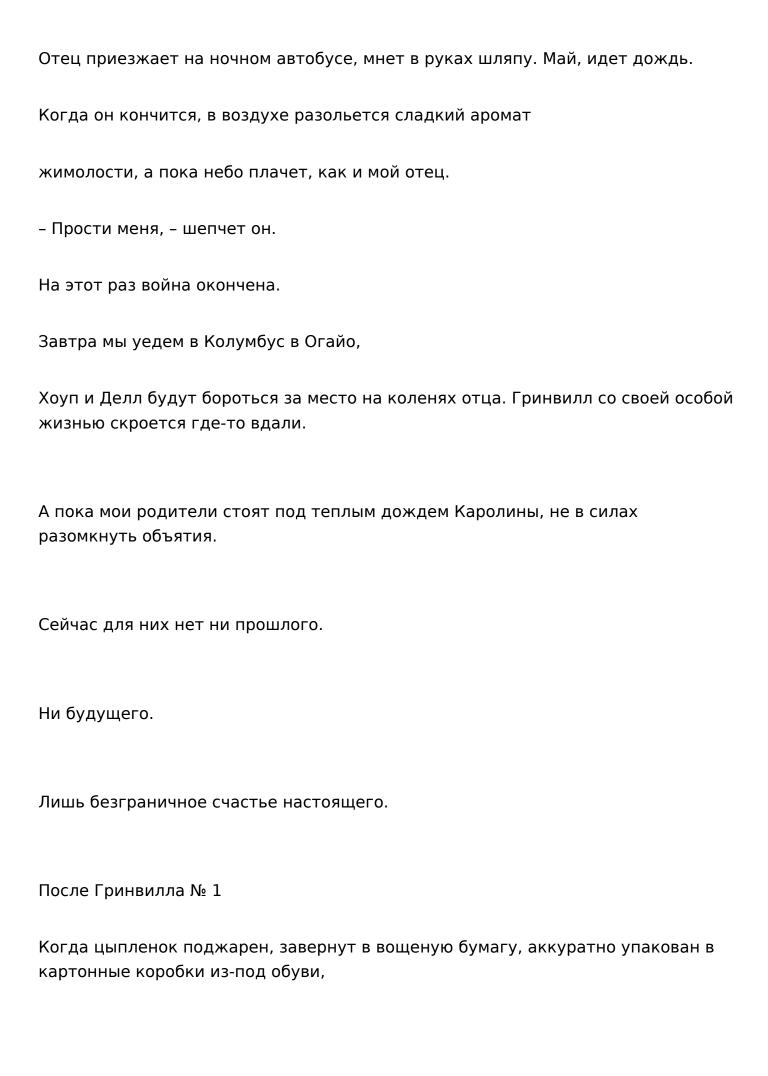
Правда, им непонятно, зачем такие строгости.
– Здесь вам не Огайо, – напоминает мама, как будто мы что-то понимаем.
Ее губы чуть тронуты помадой, спина
напряженная и прямая, будто линия с надписью «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ! ДЛЯ ЦВЕТНЫХ ТОЛЬКО ЗАДНИЕ МЕСТА!»
Вы должны пропустить белого, если окажетесь у него на пути, нельзя смотреть белым
прямо в глаза. Да, сэр. Нет, сэр.
Примите извинения.
Мама смотрит куда-то вдаль, ее мысли
далеко отсюда.
Потом лицо ее смягчается, она нежно гладит брата по теплой макушке. Ему три года, его интересует все, что происходит вокруг, он смотрит на мир во все глаза, а его большие уши хотят услышать каждый звук.
– Мы такие же люди, как все, – шепчет мама.
Такие же, как все.
Дома
И вот

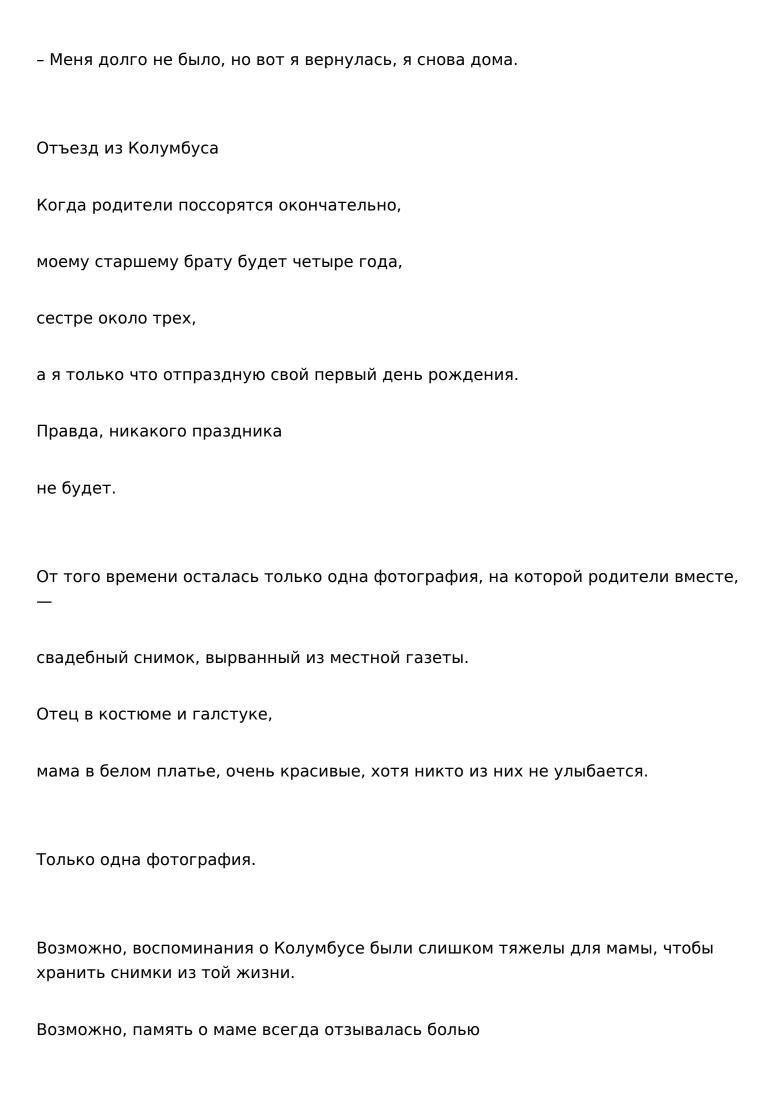
И мама вспоминает, как в детстве залезла высоко на дерево, испугалась, а когда посмотрела вниз, увидела Сэма – он ждал ее, чтобы помочь.
Веселятся люди здесь,
Будто нет у них забот,
И танцуют твист они
Ночи напролет.
– Мы так и знали, что ты не приживешься на Севере, – говорят кузины. – Ты наша, твое место здесь, рядом с нами.
Мама откидывает назад голову,
ее завитые и уложенные волосы блестят,
она улыбается так же, как она улыбалась раньше,
пока не уехала в Колумбус.
Она снова Мэри Энн Ирби,
младшая дочь Джорджианы и Гуннара.
Она дома.
Ночной автобус

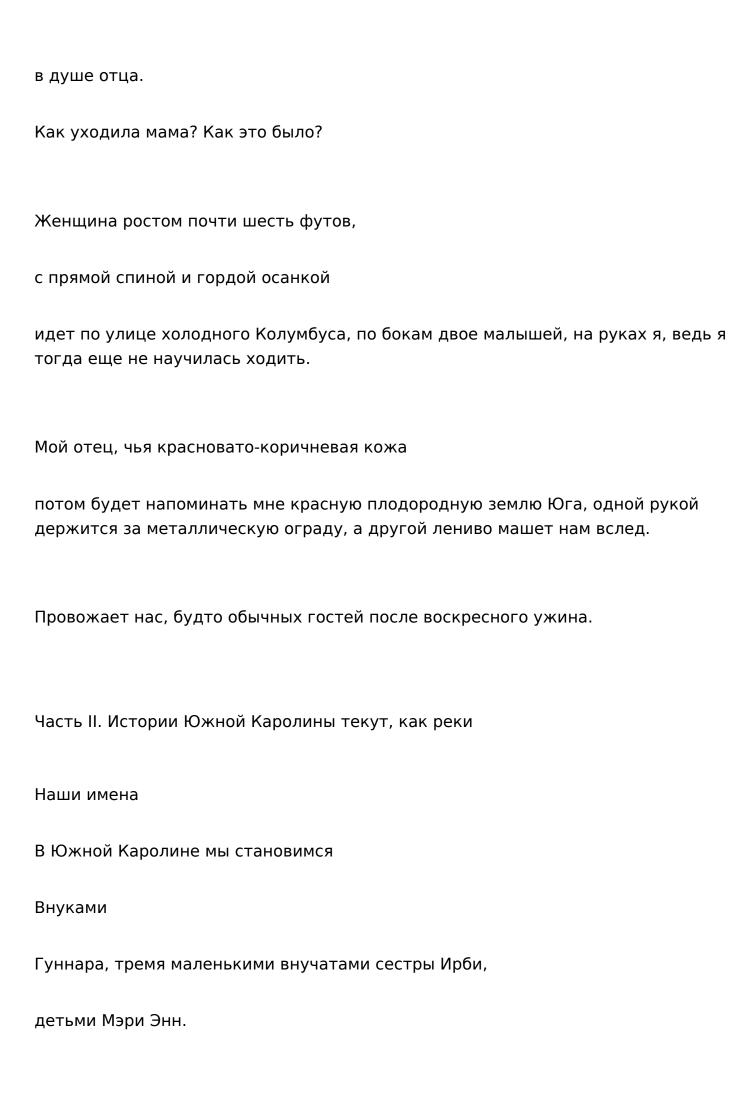
она вздумает упасть, как в тот раз, говорит он.

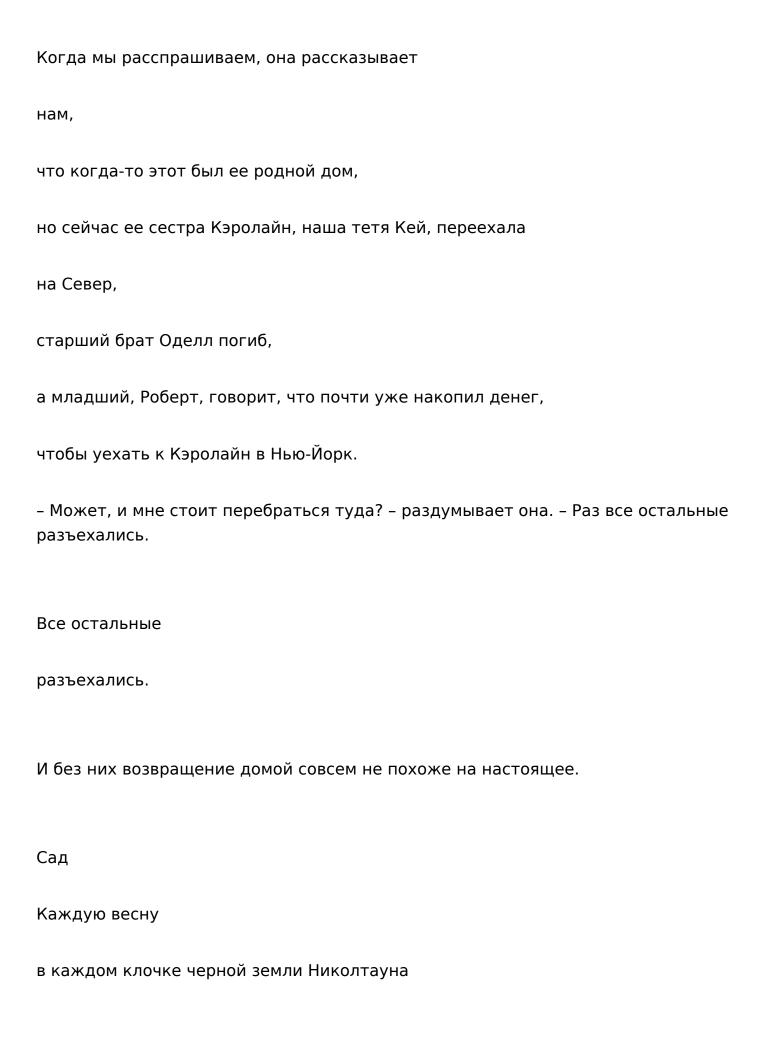
которые перевязывали веревкой
Когда кукурузный хлеб порезан на кусочки, персики вымыты и высушены
Когда сладкий чай разлит по стеклянным банкам и на них туго закручены крышки,
а фаршированные яйца уложены в ячейки специального фарфорового контейнера – он теперь принадлежит маме, это подарок
от ее матери перед предстоящей дорогой
Когда одежда сложена в чемоданы, ленты и рубашки выстираны и отглажены
Когда мама подкрасила губы, а папа сбрил колючую щетину
Когда наши лица смазали вазелином, а потом
промокнули холодной влажной салфеткой
наступает время прощаний.
Бабушка обнимает нас всех вместе и прижимает нашу маленькую стайку к своему фартуку, быстро смахивая слезы с глаз
Когда наступает ночь, чернокожие люди могут уехать с Юга и не бояться, что их остановят, а может, и изобьют и обязательно спросят:

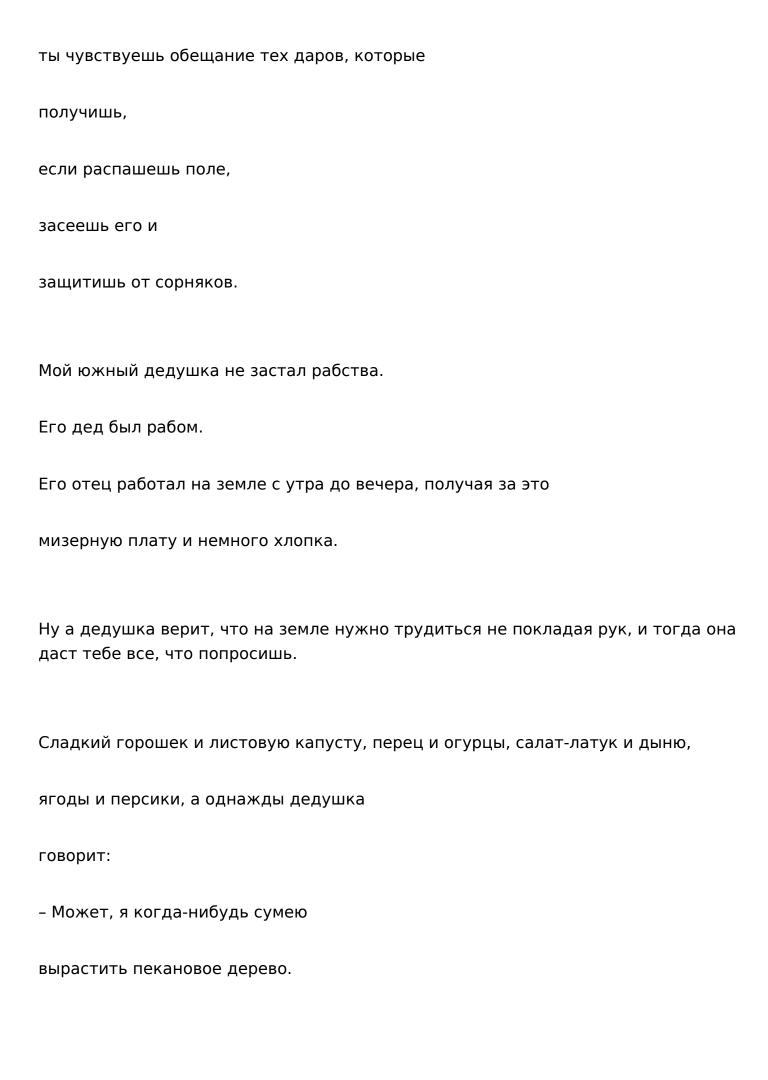
– Вы не из Наездников свободы? Или, может, из борцов за гражданские права? Какое вы имеете право
Ночью мы садимся на автобус компании «Грейхаунд», который отправляется в Огайо.
Реки
Река Хокинг, словно поднимающаяся рука, ответвляется от реки Огайо и быстро бежит через города, будто
стремится обрести свободу, как и штат Огайо, который на карте рвется вверх на север и убегает подальше от Виргинии,
от Юга.
Каждый город на берегах Хокинга имеет свою историю: Атенс,
Кулвилл, Ланкастер, Нельсонвилл,
каждый
надеется, что воды Хокинга унесут с собой все их невзгоды. Потом,
будто вспомнив о своих корнях и о своих владениях, Хокинг поворачивает обратно и вновь соединяется с Огайо,
будто хочет сказать:
– Прости.
Будто хочет сказать:

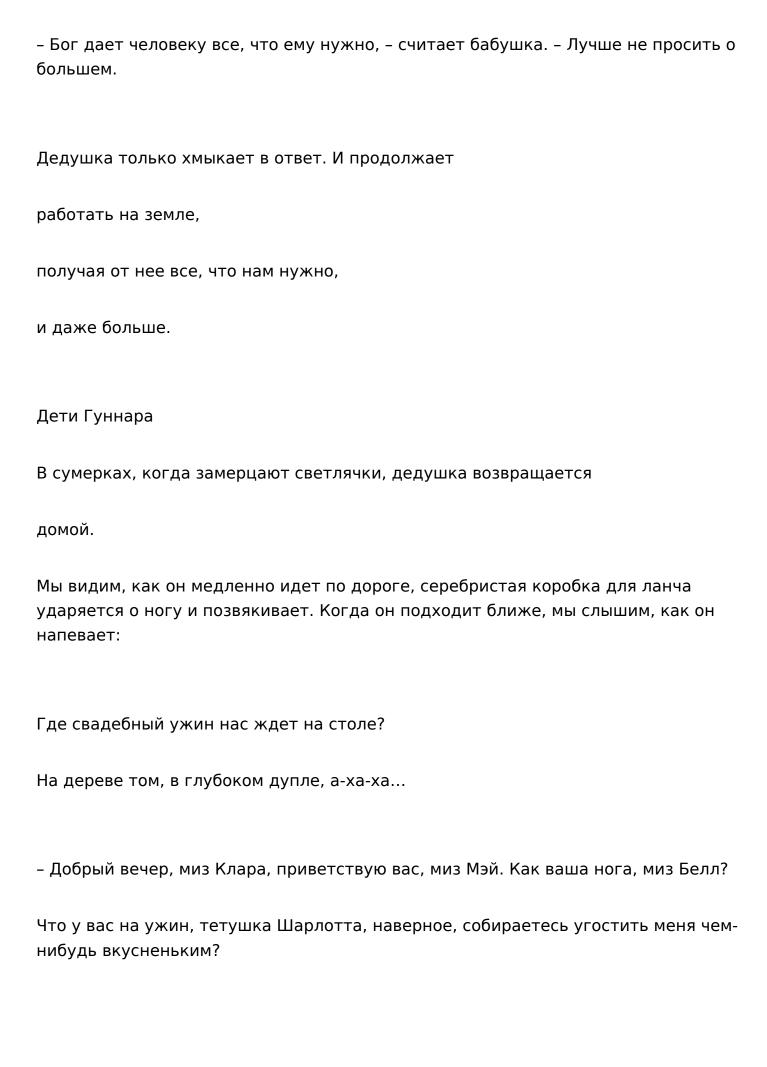

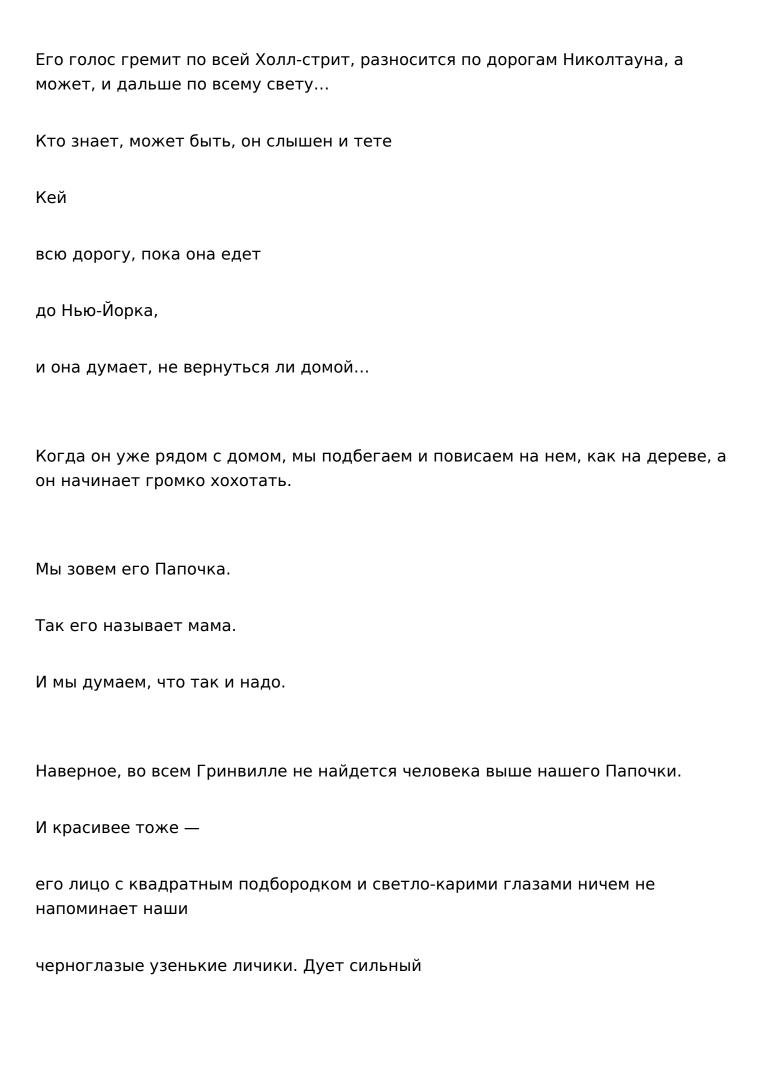

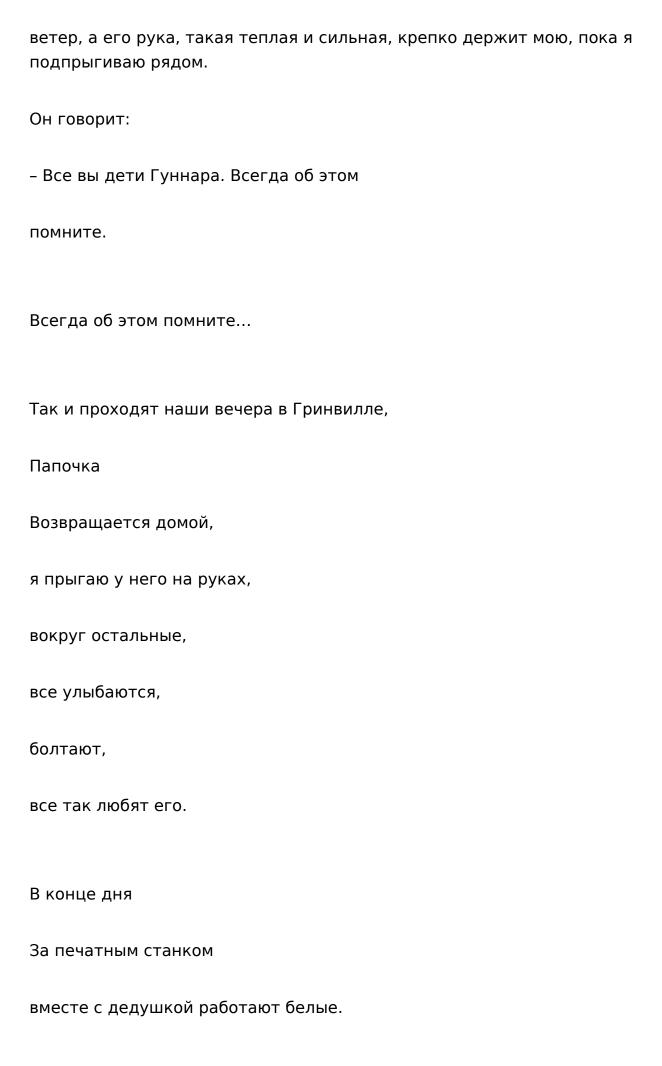
И когда бабушка зовет нас по именам, они сливаются в одно: ХоупДеллДжеки, но дедушка никогда не торопится и произносит каждое отдельно, будто впереди у него целый день или даже вся жизнь. Огайо уже в прошлом Когда мы спрашиваем маму, надолго ли мы здесь останемся, иногда она отвечает: какое-то время, - а иногда говорит нам, чтобы больше не спрашивали, потому что она сама не знает, сколько мы пробудем в доме, где она выросла, на земле, где ей все знакомо.

К концу дня руки у них так перепачканы краской, что вряд ли их можно отличить от рук негра. И хотя он их начальник и к нему положено обращаться «мистер Ирби», они называют дедушку просто «Гуннар». По их глазам дедушка видит, что многие из них не понимают, как могло случиться, что ими командует цветной. Никогда такого не было. Им трудно привыкнуть. Юг меняется слишком быстро. Иногда белые не слушаются его. Иногда отлынивают от работы. отметку и расходятся по домам, но

В конце дня газета выходит, станки останавливают, рабочие ставят в табеле

в Николтаун возвращаются только

цветные.

Здесь, куда ни кинешь взгляд: направо ли, налево, назад или вперед - всюду увидишь коричневые лица. Город Цветных. Город Негров. Так в двух словах можно сказать про место, в котором мы живем.

```
Бабушка говорит,
на Юге так везде.
- Раньше цветные жили там, где скажут.
Но сейчас другое время.
И люди прямо-таки рвутся уехать, куда они хотят.
И все равно в тот вечер жизнь в Николтауне кажется мне прекрасной.
Домработницы
Многие цветные женщины устраиваются
приходящими домработницами.
По утрам их черные тела тесно прижаты друг
к другу в переполненных автобусах, которые
едут из Николтауна на другой конец
Гринвилла,
где живут белые.
Об этом нам рассказывает бабушка,
надевая на голову маленькую шляпку,
прикалывая к ней булавку с топазом и
```

натягивая белые перчатки на мягкие темные руки. Два дня в неделю она, как и эти женщины, ездит на вторую работу, которая теперь особенно нужна, ведь нужно кормить еще четверых, а денег от работы на полставки в школе больше не хватает. - И я не стыжусь этого, - говорит она. - Работа по дому - как раз то, что я умею. Этим я могу заработать денег для моих детей, так чего мне стыдиться. Когда она возвращается вечером, ее руки бледные от стирки чужой одежды - «В основном приходится руками», лодыжки отекшие, ведь она целый день на ногах, заправляет постели и подметает пол, смахивает пыль с гардин, убирает за чужими детьми, готовит - всего и не перечесть. - Никому из вас не пожелаю такой работы, - говорит она нам. - Я ее делаю, чтобы вам не пришлось этого испытать.

И, наверное, по всему Николтауну дети слышат сейчас те же слова.

- Принесите английскую соль, - просит бабушка, откидывается в мягком коричневом кресле и прикрывает глаза.

Когда в нем сидит не она, а мы с Хоупом и Делл усаживаемся бок о бок, то остается место для кого-нибудь еще.

Мы наливаем теплую воду, добавляем соль, размешиваем, осторожно приносим тазик и ставим у бабушкиных ног. Каждому хочется потереть распухшие бабушкины лодыжки,

увидеть благодарную улыбку на ее лице, послушать ее истории в тишине

комнаты.

- Когда я уходила сегодня из одного дома,

пол был такой чистый, хоть ешь с него, – тяжело вздыхая, говорит бабушка. – Но видели бы вы, что творилось в комнатах, когда я пришла. Будто черти побывали там и перевернули все вверх дном...

Колыбельная

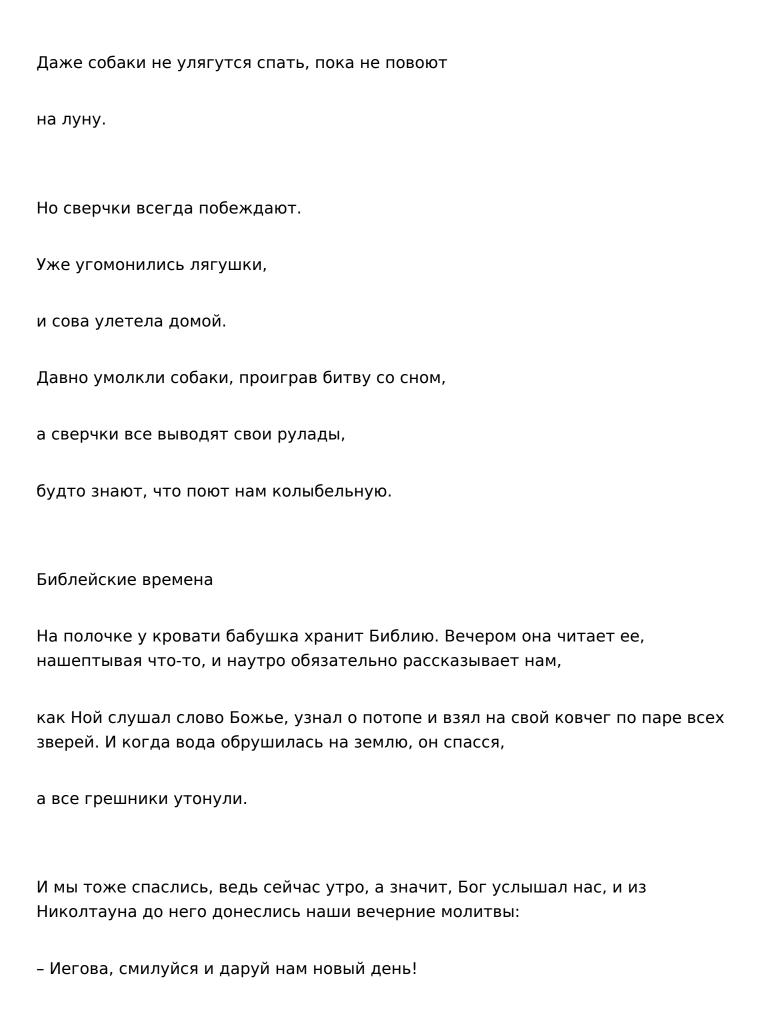
Ночью кажется, что все живые существа соревнуются в том, кто кого перекричит.

Трещат сверчки,

лягушки не отстают и громко квакают в ответ.

Иногда где-то в соснах ухает

невидимая сова.

Еда забыта. Моя рука с теплым печеньем, пропитанным маслом, останавливается на полпути ко рту.

- Сколько же воды вылилось на землю, если все грешники утонули? А как они обманывали и грешили? А в потоп были гром и молния? А почему Ной не боялся, что кобра его укусит, или бык забодает, или пчела ужалит?

Нашим вопросам нет конца,

но еще больше нам не терпится послушать, что было дальше,

поэтому, когда бабушка говорит:

«Да помолчите вы! Дайте досказать!» —

мы умолкаем.

Мечты Иакова о лестнице в небо, Иисус в окружении детей. Моисей на горе, глас Божий среди бури и огня и заповеди на каменных скрижалях. Даже Саломея поражает наше воображение своим желанием получить человеческую голову на блюде – как можно пожелать такого, да еще и жить дальше как ни в чем не бывало?

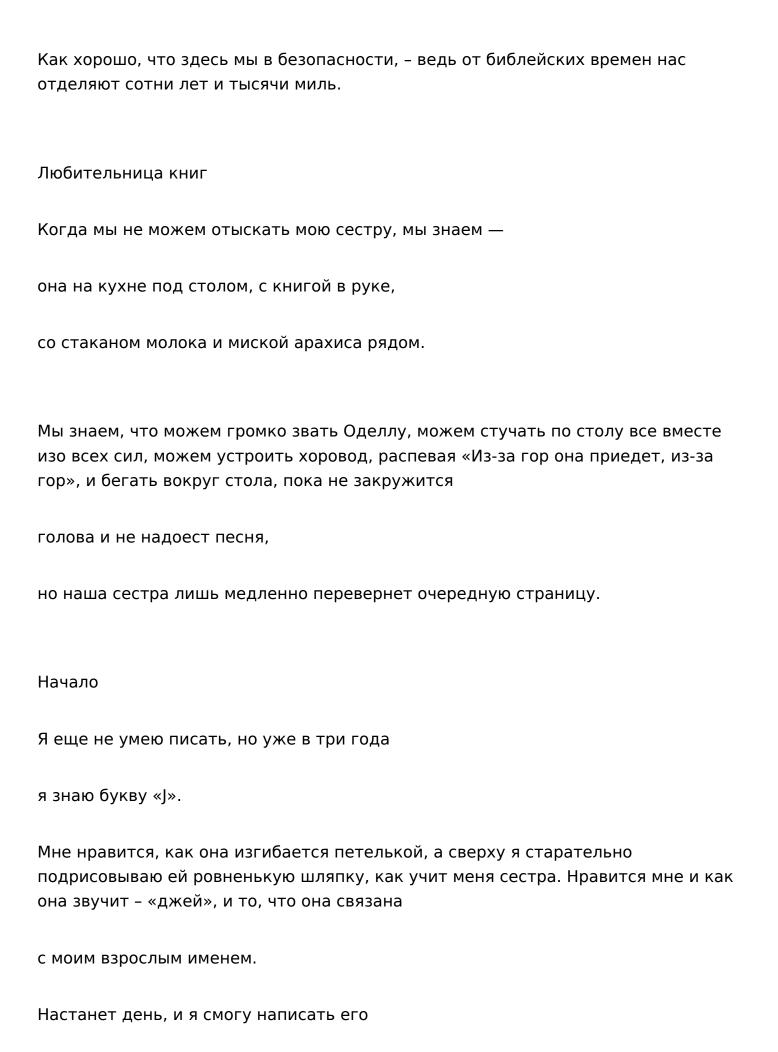
Приходит осень.

За окном дует ветер, шумят сосны.

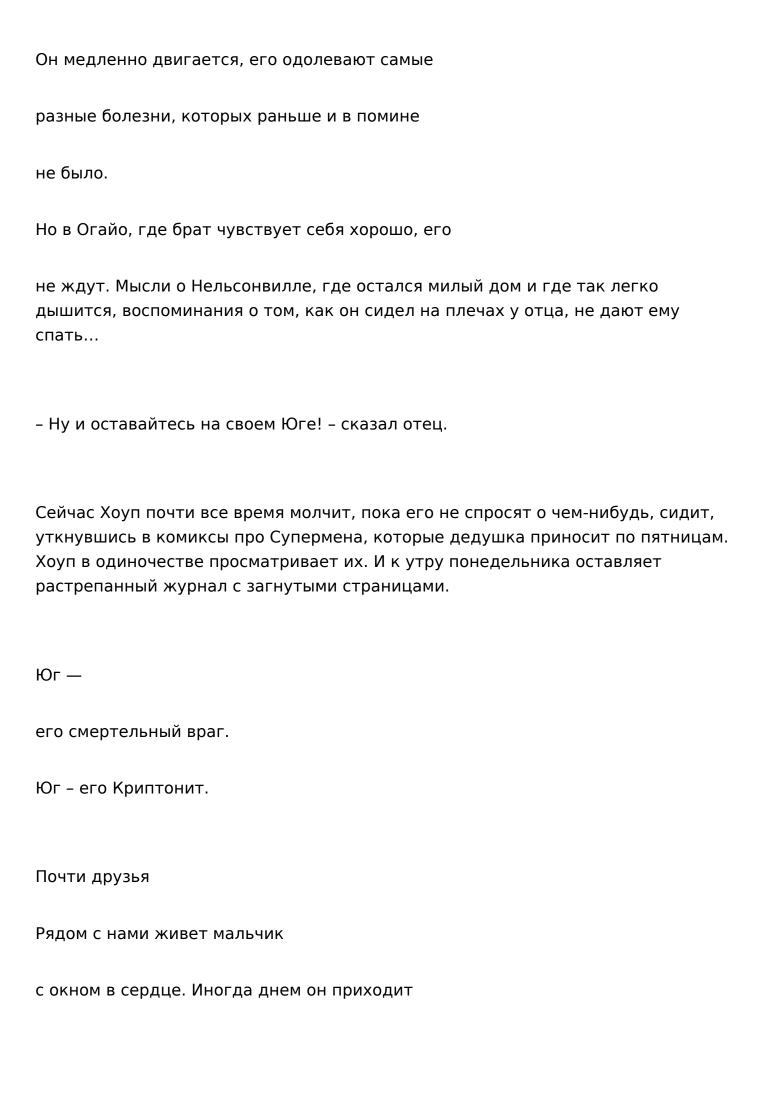
Мы дома, слушаем истории, едим печенье, кукурузную кашу и яйца, а маленькая пузатая печка наполняет

теплом нашу гостиную.

Мы все еще дрожим, размышляя о злодейке Саломее, и медленно жуем печенье.

сама.
И сестра не будет водить моей рукой, как сейчас, пока я еще не научилась.
Как удивительны слова, которые я постепенно начинаю понимать. Как чудесно, что с каждым днем я знаю их все больше.
– А слова когда-нибудь закончатся? – спрашиваю я всякий раз, когда запоминаю новое.
– Не-а, – отвечает мне пятилетняя сестра,
обещая мне бесконечность.
Хоуп
Юг не подходит моему брату.
От жары у него шелушится кожа.
- Не трогай! - предупреждает бабушка.
Но он не может удержаться и расчесывает кожу
до болячек.
От пыльцы растений у него распухают глаза,
его маленькие легкие дышат слишком часто
и шумно.

к нам посидеть во дворе и послушать наши истории. Мы рассказываем ему, что наша тетя Кей живет в Нью-Йорке и мы, наверное, когда-нибудь тоже переедем туда. И да, действительно, когда-то мы жили в Огайо, поэтому говорим не так, как местные. Про окно в сердце мы не спрашиваем. Бабушка говорит, что мы умные дети, а умные дети не задают глупых вопросов. Через дорогу от нас живет Кора и ее сестры. О них бабушка говорит одно: - От Коры-и-ее-сестер держитесь подальше. Мать бросила их, сбежала с местным пастором. Иногда Кора-и-ее-сестры сидят и смотрят на нас.

А мы смотрим на них и не спрашиваем, как это – жить без матери,
потому что бабушка говорит,
что умные дети не задают глупых вопросов.
Чуть дальше от нас живут три брата,
но мы знаем о них только от нашей бабушки.
Все лето они сидят в своем темном доме
и выходят из него только по вечерам, когда их мать возвращается с работы, но нас к тому времени давно уже искупали, одели в летние пижамы и усадили
с книжками в руках.
Все эти дети почти наши друзья, и мы частенько думаем о них, когда нам надоедает играть друг с другом.
Но бабушка говорит:
- Играйте втроем, трое - это целая компания. Придумайте, чем заняться.
Так мы и поступаем.
А когда нам хочется спросить ее: «Почему нам нельзя играть с другими?» – мы не спрашиваем.
Ведь мы умные дети и не задаем глупых вопросов.

Как говорить правильно

Когда мама впервые слышит, как брат говорит «ниче», она идет в дальний конец двора, где на пригорке растет ива, и срывает с нее ветку.

Очищает ее от листьев, и вслед за тем раздается вопль моего брата, потому что ветка больше не шумит красиво на ветру. В руках мамы она превращается в прут,

который со свистом опускается на ноги брата.

- Чтобы я не слышала

«ниче» в нашем доме! – повторяет мама. – Чтобы нигде и никогда не слышала от тебя «ниче».

Каждый свистящий удар - предостережение нам:

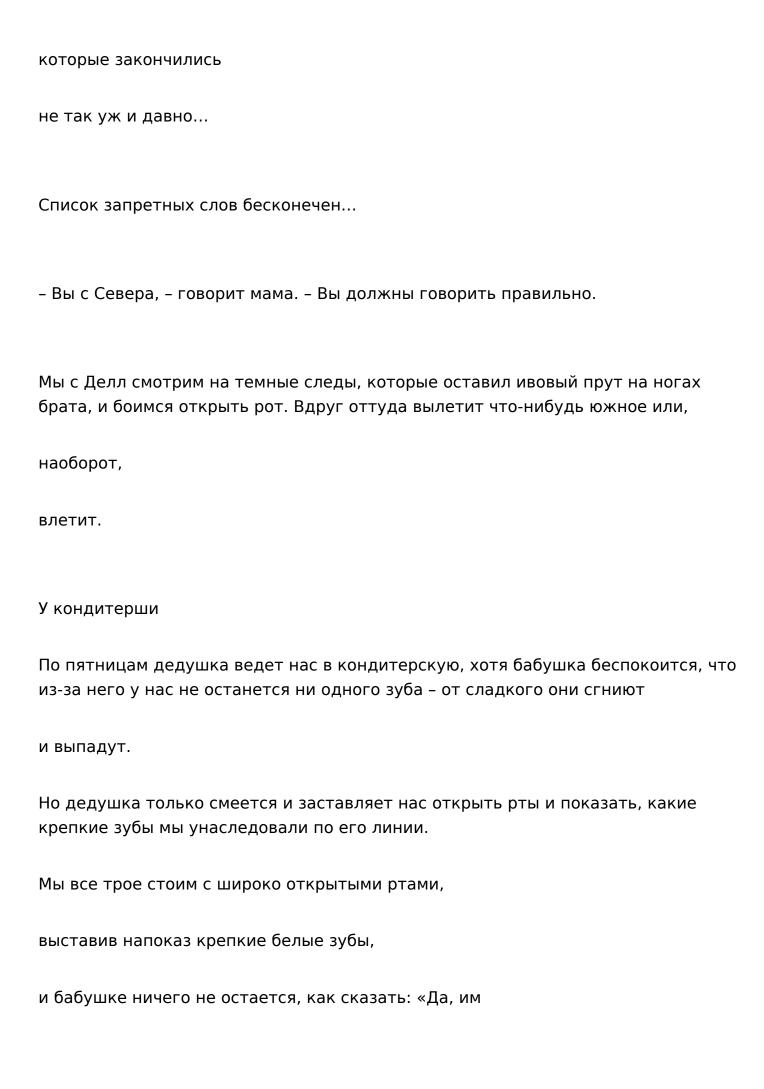
говорите правильно и четко.

Нам запрещено говорить «че?», «я собираюся», «вы хочете» или «ихний».

Нельзя отвечать «да, мэм» – только «да», а чтобы проявить уважение, достаточно смотреть собеседнице прямо в глаза.

- Никогда никому не говорите «мэм»!

Мама не выносит это слово - оно напоминает ей о временах рабства,

повезло», —

и отпустить нас.

В кондитерской все заставлено полками, на которых лежат шоколадные плитки, мармелад, леденцы, длинные красные лакричные палочки, похожие на струны, вафли «Некко», стоят коробки с надписями «Гуд энд Пленти», «Джуджуб», «Мун Пайз». Так много всего, что мы не можем выбрать, пока дедушка не скажет:

- Вы как хотите, а я возьму мороженое.

Хозяйка кондитерской, женщина с седыми волосами, которая никогда не улыбается, уходит в соседнюю комнату и вскоре приносит оттуда вафельный конус с высокой шапкой лимонного мороженого, которое сразу начинает таять. Хотя дело к вечеру, солнце печет нещадно, а сливочно-лимонное мороженое кажется таким прохладным и обещает избавить от жары хотя бы ненадолго, и мы в один голос говорим:

- И я, Папочка, и я хочу мороженое.

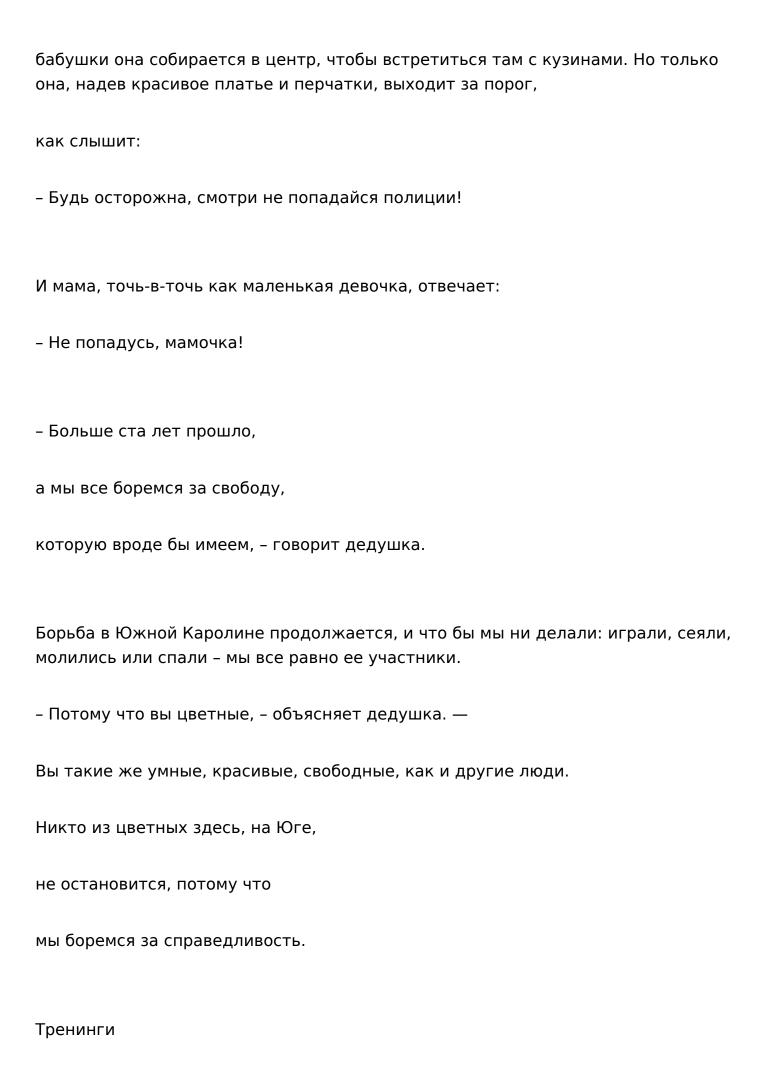
Из кондитерской мы возвращаемся молча, слышны только хлюпающие звуки,

когда мы пытаемся поймать ртом тающее мороженое, которое течет по рукам и так и норовит упасть на горячую сухую дорогу.

Южная Каролина борется

- Потому что мы имеем право, - говорит дедушка. Мы сидим у его ног, разговор сегодня о том, почему по всему Югу проходят марши протеста - ходить, сидеть, да что угодно делать там, где хотим. Сначала они привезли нас сюда. Потом мы бесплатно на них работали. Потом в восемьсот шестьдесят третьем вроде бы нас освободили, но на самом деле не дали никакой свободы. Вот поэтому люди так возмущаются.

И это правда, по радио без конца твердят о маршах протеста.
В центре Гринвилла мы постоянно видим подростков, которые разгуливают по большим магазинам или сидят в других местах, где чернокожим людям до сих пор
запрещено находиться. Они поступают так, как хотят,
их тела расслаблены,
их лица спокойны.
– Вот так и должны бороться чернокожие люди, —
говорит дедушка. – Если просто орудовать кулаками, толку не будет. Нужно настаивать на своем, но мягко. Двигаться к цели не спеша.
– Но нужно быть готовым умереть за правое дело, – продолжает он и добавляет:
- Быть готовым умереть
за все, во что веришь!
Никто из нас не представляет, что такое смерть,
но все-таки мы пытаемся, как можем.
Лаже мама не остается в стороне. Втайне от

К нам приезжает старшая, самая любимая мамина кузина Дороти и ее дети. Они сторонятся нас и говорят, что не могут разобрать ни слова ни у Хоупа, ни у Делл, ни у меня.

- Вы тараторите слишком быстро, и все слова у вас сливаются в одно, - объясняют они.

Они говорят, что мы слишком маленькие, играть с нами неинтересно, и уходят гулять по улицам Николтауна. А нам не разрешают, мы остаемся на веранде. Смотрим, как они уходят, слышим, как тетя Дороти говорит им:

- Эй, разбойники, поосторожнее, не попадите в беду!

Потом мы крутимся рядом с кузиной Дороти и делаем вид, что не слушаем, о чем она говорит, но она, конечно же, все замечает. Ведь стоит ей рассмеяться, мы смеемся вслед за ней, стоит покачать головой, мы тоже качаем.

- Знаешь, почему нужно посещать эти тренинги? —

спрашивает тетя, и мама кивает. - Без них тебе никуда не разрешат выходить. Нужно знать, как себя вести, если вдруг те люди нападут на тебя.

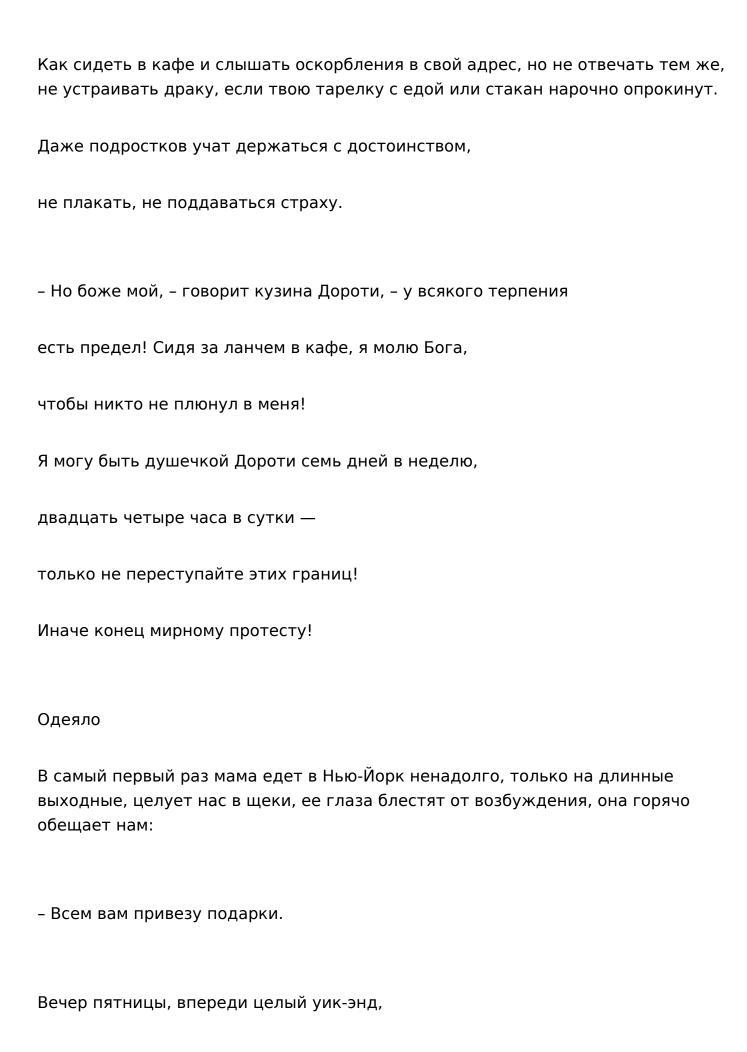
Между зубами у нее маленькая щелочка, такая же, как у мамы, и у Хоупа, и у Делл. Тетя красивая, высокая и широкоплечая, с темной кожей.

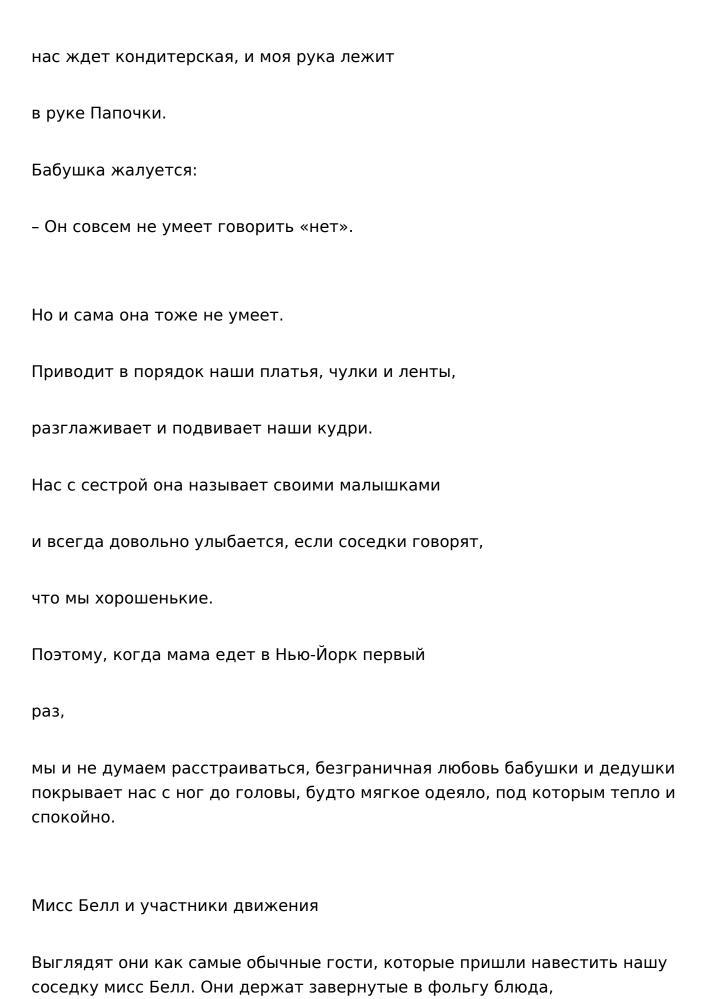
Она носит перчатки и темные платья, которые заказывает у портнихи из Чарлстона.

Тренинги проходят в подвалах церквей, подсобках магазинов – везде, где люди могут собраться. Их проводят даже во время долгих поездок.

На них учат,

как изменить Юг, не прибегая к насилию, как не реагировать на выпады, как двигаться к цели медленно, но верно.

кто-то приходит вдвоем, кто-то в одиночку,

есть среди них и женщины с малышами на руках.

Можно подумать, что люди заглянули скоротать с мисс Белл вечерок. Возможно, они прихожане местной церкви и собрались поговорить о Боге.

Но вот мисс Белл закрывает ставни, люди раскладывают еду по тарелкам, наливают сладкий чай и начинают

говорить о движении.

А ведь мисс Белл работает у белой леди, которая сказала ей:

- Я немедленно уволю вас, если только увижу с этими!

Но мисс Белл знает, что есть разные способы

помочь движению, и необязательно выходить на марши.

Она знает, что их участники должны быть сыты,

чтобы работала голова,

им нужно безопасное место, чтобы собираться.

Она, как и ее белая хозяйка, внимательно следит за событиями и ждет, когда борьба закончится. Именно для этого мисс Белл старается, чтобы стаканы у гостей были полны, нарезает кукурузный хлеб, раскладывает по тарелкам картофельный салат, стоит на кухне, прикидывая, как бы нарезать лимонный пирог, чтобы хватило всем.

А утром, перед тем как достать из шкафа свою униформу, она молится:

